ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ XXXII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения»

5 апреля 2025 года, Москва

УДК 811.512.151

ББК 81.63

Авторы:

Акалын Ш.Х.
Арслан Х.
Аширов Т.А.
Баймурадова А.С.
Бак Х.
Валеев Р.М.
Валеева Р.З.
Вдовин С.С.
Вдовина А.О.
Верхова К.А.
Гаджиева А.А.
Глашев А.А.
Гочова О.С.
Гылыджов А.А.
Джораева Дж.Х.
Дубровина М.Э.
Йылмаз М.
Кириллина С.А.
Клычева М.М.
Лю Л.
Лосева-Бахтиярова Т.В.
Макаров С.С.
Мугтасимова Г.Р.
Напольнова Е.М.
Нуриева Ф.Ш.
Образцов А.В.
Оганова Е.А.
Полещук П.А.
Пылев А.И.
Расулова Е.Ш.
Репенкова М.М.
Самигуллин А.Н.
Сарач Ш.
Сатымова М.М.
Сафина Л.М.
Софронова Л.В.
Сулейманова А.С.
Сыздыкова Ж.С.
Таганова М.А.
Тадинова Р.А.
Тот Ж.
Учгюль С.
Фомин Э.В.
Чиврикова А.В.
Шаряфетдинов Р.Х.
Экба З.Н.
Юсупова А.Ш.
Ягджы Г.
Ялчинкая С.

Ответственные редакторы: *М.М. Репенкова*, *Е.А. Оганова, К.А. Верхова*

Программа и тезисы XXXII Международной конференции «Дмитриевские чтения» (5 апреля 2025 г.) / отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова, К.А. Верхова. 110 с.
ISBN 978-5-600-04253-7

Международная конференция «Дмитриевские чтения» проводится на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова с 1993 г. в память об основателе кафедры, выдающемся тюркологе, фольклористе, лингвисте и историке науки Н.К. Дмитриеве (1898–1954). В настоящее время «Дмитриевские чтения» приобрели статус международной платформы, где формируется повестка дня и обсуждаются наиболее актуальные вопросы российской и зарубежной тюркологии. Богатая география, а также смешанный формат конференции позволяют ученым со всего мира обмениваться мнениями по проблемам исследования языков и литератур тюркского мира. Тридцать вторые «Дмитриевские чтения» приурочены к 270-летию Московского государственного университета, а также к 90-летию со дня рождения выдающегося тюрколога, доктора филологических наук, профессора Д.М. Насилова (1935–2017).

ISBN 978-5-600-04253-7

© Коллектив авторов, 2025

ИНСТИТУТ
СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ XXXII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения»

5 апреля 2025 года, Москва

К 90-летию со дня рождения

Дмитрия Михайловича Насилова

(1935–2017)

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

13.00–15.00 – пленарное заседание (ауд. 128)
15.00–15.45 – обед (столовая ИСАА)
15.45–17.15 – работа по секциям (ауд. 167, 128, 151)
17.15–17.30 – кофе-брейк (по секциям)
17.30–19.00 – работа по секциям (ауд. 167, 128, 151)
19.00–19.30 – подведение итогов конференции, фуршет (ауд. 167)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ (13.00–15.00, АУД. № 128)

Выступление Председателя оргкомитета XXXII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения», зав. кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, д.ф.н., доц. **М.М. Репенковой**

Из истории конференции «Дмитриевские чтения»

Выступление директора Института им. Юнуса Эмре (г. Анкара, Турция) д.филос.н., проф. **А. Алия (Abdurrahman ALİY).**

Выступление председателя Турецкого лингвистического общества (г. Анкара, Турция) д.ф.н., проф. **О. Мерта (Osman MERT)** (онлайн-участие).

Презентация коллективной монографии «Тюркология в мире» (Анкара-Варшава, 2024) – доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н. **Е.А. Оганова**.

Оганова Елена Александровна - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Памяти Дмитрия Михайловича Насилова (1935-2017)

Акалын Шюкрю Халук (Şükrü Halûk AKALIN) - д.ф.н., профессор Университета Хаджеттепе (г. Анкара, Турция)

Наш новый словарь: «Словарь синонимов турецкого языка» (онлайн-участие)

Ялчинкая Синан (Sinan YALÇINKAYA) - старший преподаватель Университета Хаджеттепе (г. Анкара, Турция)

Türkçedeki Alıntı Kelimelerin Anlam Değişiklikleri Ve Üst Anlam İlişkileri (онлайн-участие)

Телицин Николай Николаевич - к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Письменность тюркских народов: от древности до средневековья

Учгюль Севинч (Sevinç ÜÇGÜL) - д.ф.н., профессор Эрджиесского университета (г. Кайсери, Турция)

Лингвокультурологические особенности перевода национального гимна Турции на русский язык

Тадинова Роза Абдуманаповна - д.ф.н., профессор Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ (г. Москва)

Лингвистические, археологические и этнографические данные о способах погребения у древних тюрков

Регламент выступления 10 минут

СЕКЦИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

Заседание №1
(15.45–19.00, АУД. № 128)
Модератор: д.ф.н. Напольнова Елена Марковна

Нуриева Фануза Шакуровна - д.ф.н., профессор Казанского федерального университета (г. Казань)

Функционирование теонимов в средневековом тюркоязычном произведении "Нахдж Ал-Фарадис" Махмуда Ал-Булгари (онлайн-участие)

Таганова Марал Аннаевна - к.ф.н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Словообразовательное гнездо слова alyn [a:lyn] в туркменском языке (онлайн-участие)

Фомин Эдуард Валентинович - к.ф.н., доцент Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары)

Чувашеобусловленные топонимы как маркер чебоксарского регионолекта русского языка

Гылыджов Ата Аннамурадович - к.ф.н., зав. отделом лексикографии, терминологии и культуры речи Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Антонимы в собственных именах туркменского языка (онлайн-участие)

Джораева Джемал Хемраевна - преподаватель Туркменского государственного университета им. Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

Сатымова Майса Меретдурдыевна - преподаватель Туркменского государственного университета им. Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

Turkmen and Persian twin words in Magtymguly Pyragy's poems (онлайн-участие)

Экба Зарема Назировна - к.ф.н., научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Названия природных явлений и антропонимическая система в тюркских языках

Бак Хади (Hadi BAK) - к.ф.н., старший преподаватель Университета им. Ататюрка (г. Эрзурум, Турция), доцент факультета гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (г. Москва)

Yabancı Dil Olarak Türkçe Öğretiminde Lingvo-Kültürel Yaklaşım (Reşat Nuri Güntekin'in "Çalıkuşu" Romanı Örneğinde)

Ягджы Гёкхан (Gökhan YAĞCI) - директор Турецкого культурного центра им. Юнуса Эмре (г. Москва)

Ruslara Türkçe Öğretiminde Deyim Ve Atasözlerinin Önemi, Öğretim Yöntem Ve Teknikleri, "Dilli Düdük" Şarkisi Örneği

Напольнова Елена Марковна - д.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

К вопросу о взаимосвязи между пространственными и временными представлениями в современном турецком языке

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Тюркские элементы в секретных языках Средней Азии

Йылмаз Мехтап - к.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Экспрессивно-оценочная лексика в женской блогосфере

Чиврикова Анна Владимировна - старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Попытка использования фрейма для разграничения значений глаголов интеллектуальной деятельности в турецком языке

Регламент выступления 10 минут

Заседание №2
(15.45–19.00, АУД. № 167)
Модератор: к.ф.н. Телицин Николай Николаевич

Юсупова Альфия Шавкетовна - д.ф.н., профессор Казанского федерального университета (г. Казань)

И.А. Бодуэн де Куртенэ и казанская тюркологическая школа (онлайн-участие)

Аширов Тахир Амандурдыевич - к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Sovyet Türkmenistanı'nda 1930'lu Yıllarda Türkmen Dilinin Terminolojisi Üzerine Çalışmalar: Aba Övezov Örneği (онлайн-участие)

Валеев Рамиль Миргасимович - д.и.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань)

Валеева Роза Закариевна - к.пед.н., декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (г. Казань)

Кириллина Светлана Алексеевна - д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Лю Лицю - к.и.н., доцент Нанкинского университета науки и технологии (г. Нанкин, КНР)

Эпистолярное наследие акад. В.А. Гордлевского: Неопубликованные письма акад. В.В. Бартольду из фонда СПб филиала Архива РАН

Валеев Рамиль Миргасимович - д.и.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань)

Валеева Роза Закариевна - к.пед.н., декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (г. Казань)

Самигуллин Айрат Наилевич - аспирант Казанского федерального университета (г. Казань)

Истоки тюркологического наследия С.Е. Малова: Казань-Санкт-Петербург-Китайский Туркестан (1880-1922 гг.): к 145-летию со дня рождения

Гочова Огульнабат Сапаргельдыевна - зав. отделом современного туркменского языка и истории языка Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Просодическая характеристика слова в туркменском языке (онлайн-участие)

Тот Жолт (Zsolt TÓTH) - младший научный сотрудник Института венгерских исследований (г. Будапешт, Венгрия)

Роль венгерских ученых в создании тюркологической науки

Дубровина Маргарита Эмильевна - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Анализ формы пассива в турецком и английском языках

Хабибуллина Эльмира Камилевна - к.ф.н, доцент, декан Высшей школы востоковедения ИМОИиВ Казанского федерального университета (г. Казань)

Особенности осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста между родственным и неродственными языками

Сафина Лилиана Михайловна - к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой русистики Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (г. Москва)

Фонетические вариации гортанного [г] в татарском языке: анализ гиперкоррекции и современного произношения

Клычева Мая Мередовна - к.филос.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) МИД России (г. Москва)

Актуальные проблемы современного туркменского языка

Оганова Елена Александровна - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Лексема bir в составе именной группы прямого объекта

Глашев Ахмед Алабиевич - соискатель кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Междисциплинарный подход к тюркологическим исследованиям: проблемы и задачи

Верхова Ксения Александровна - старший преподаватель, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Об употреблении изъяснительных конструкций в турецком газетно-публицистическом тексте

Регламент выступления 10 минут

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

(15.45–19.00, АУД. № 151)
Модератор: д.ф.н. Репенкова Мария Михайловна

Баймурадова Айна Сайдуллаевна - к.и.н., зав. кафедрой обществоведческих наук Института международных отношений МИД Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Кошмоваляние у тюркских народов Центральной Азии (онлайн-участие)

Сыздыкова Жибек Сапарбековна - д.и.н., профессор кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Проблемы методологии в изучении культуры тюрков Центральной Азии: от кризиса к новым концептам

Гаджиева Анар Ахметбековна - к.ф.н., доцент МГИМО (у) МИД России (г. Москва)

Мифологические и символические элементы в лиро-эпической поэме «Козы корпеш - баян сулу»

Мугтасимова Гульназ Ринатовна - к.ф.н., доцент Казанского федерального университета (г. Казань)

Репрезентация семейно-брачных традиций в татарских пословицах (онлайн-участие)

Вдовина Анастасия Олеговна - ассистент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Казанского федерального университета (г. Казань)

Особенности киноадаптации приёмов сатирического литературного текста: на примере произведения Азиза Несина «Яшар и жив, и мертв» (онлайн-участие)

Софронова Лариса Владиславовна - к.ф.н., доцент кафедры восточных языков Переводческого факультета МГЛУ (г. Москва)

Понятие безмолвия в произведениях Аслы Эрдоган

Шаряфетдинов Рамиль Хайдярович - к.ф.н., доцент кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии МПГУ (г. Москва)

Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе

Репенкова Мария Михайловна - д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Сюжетно-композиционные особенности романа Ахмета Умита «Запах снега» (1998)

Макаров Семен Семенович - к.ф.н., старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

«Олонхо» А. Уваровского в контексте локальных традиций якутского эпоса

Вдовин Сергей Сергеевич - научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Сравнение как способ возвеличивания в хорезмской хронике «Райский сад преуспеяния»

Образцов Алексей Васильевич - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Сулейманова Алия Сократовна - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Стадиально-типологические характеристики "деревенской" прозы в турецкой и русской литературах

Пылёв Алексей Игоревич - к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

О поэтических формах и жанрах произведений сборника "Диван-и хикмат" Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166)

Арслан Хаджер (Hacer ARSLAN) - к.ф.н., преподаватель Главного управления религиозного образования Национального министерства образования Турции (г. Анкара, Турция)

Divan Güzeli Ağ Analizi (онлайн-участие)

Сарач Шенай (Şenay SARAÇ) - к.ф.н., тьютор Университета Хаджеттепе (г. Анкара, Турция)

Looking At the 18th Century Turkish Culture and Language Through the Perceptions of Lady Mary Wortley Montagu Using the Book "Letters From the Right Honorable Lady Mary Wortley Montagu 1709 To 1762" (онлайн-участие)

Расулова Екатерина Шарифулловна - аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Приемы реализации постмодернистской парадигмы в пьесе турецкого драматурга Бехича Ака «Здание» (1984)

Полещук Полина Андреевна - магистрант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Образ главного комиссара Невзата в детективных романах Ахмета Умита

Регламент выступления 10 минут

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые участники конференции!

Мы рады приветствовать вас в стенах Московского университета, организующего уже более трех десятков лет Международную конференцию «Дмитриевские чтения». Мы искренне признательны вам за то, что вы откликнулись на наше предложение и принимаете участие в нашем XXXII научном форуме, который в этом году посвящен двум значительным датам – 270-летию со дня основания Московского Университета и 90-летию со дня рождения ведущего отечественного тюрколога Дмитрия Михайловича Насилова (1935–2017). Д.М. Насилов руководил кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ с 2013 по 2017 гг. Его кипучая научная деятельность концентрировалась на языке орхоно-енисейских рунических памятников, древнеуйгурском языке, языках коренных малочисленных народов России. Д.М. Насилов долгое время пребывал на постах зам. председателя российского комитета тюркологов и главного редактора журнала «Российская тюркология». Если говорить конкретно об основных направлениях его обширной научной деятельности, то среди них можно выделить общие проблемы алтаистики, проблемы сравнительно-исторического языкознания, проблемы грамматической реконструкции, языки письменных памятников, история тюркских языков, теоретическую грамматику, древнетюркские языки, проблемы реконструкции праязыка, тюркологическую социолингвистику, разработку вопросов преподавания национальных языков. Кроме того, Дмитрий Михайлович был преподавателем от Бога. Мне посчастливилось прослушать его курс лекций по «Руническим и древнеуйгурским памятникам», будучи студенткой ЛГУ в 1970-е гг. Этот курс оказался блестящим примером того, как органично сочетаются научные теоретические положения с практическими навыками изучения памятников древней письменности.

Вернемся к истории создания конференции «Дмитриевские чтения». Инициатива осуществления данного востоковедного форума принадлежала заведующему кафедрой тюркской филологии, д.ф.н., профессору Э.А. Груниной (1926–2012). Именно она на научной конференции «Фундаментальная и прикладная вузовская тюркология: перспективы и направления дальнейшего развития», состоявшейся 14–15 октября 1993 г. в ИСАА МГУ в ознаменование 50-летия со для создания кафедры тюркской филологии в МГУ, выдвинула предложение о преобразовании проводимого мероприятия в ежегодные Дмитриевские чтения в память об основателе кафедры, чл.-корр. АН СССР Николае Константиновиче Дмитриеве (1898–1954). Э.А. Грунина отметила в выступлении значение Дмитриева для развития отечественной востоковедной науки вообще и университетской тюркологии в частности. Ему, как ученому с энциклопедическим складом ума, впервые в истории российского востоковедения удалось соединить фундаментальность университетского теоретического образования с практическим знанием языков, фольклора и истории разных тюркских народов. Дмитриев воспринимал тюркологию как высшее звено в парадигме частных тюркских языкознаний и призывал одинаково бережно относиться к каждому тюркскому языку (даже самому малому), беречь и развивать научные традиции тюркологов-предшественников.

Предложение Э.А. Груниной было поддержано руководством ИСАА МГУ, и это позволило Дмитриевским чтениям стать знаковым событием среди многочисленных научных мероприятий, проводимых в ИСАА МГУ, а также снискать авторитет и уважение мирового тюркологического сообщества. В этом плане Дмитриевские чтения, расширяющие с каждым годом географию участников, стоят в одном ряду с такими авторитетными тюркологическими конференциями, как Тенишевские чтения (Институт языкознания РАН), Кононовские и Ивановские чтения (Восточный факультет Санкт-Петербургского университета). В настоящее время «Дмитриевские чтения» приобрели статус

международного форума, на котором обсуждаются актуальные проблемы российской и зарубежной тюркологии. Широкая география и смешанный формат конференции позволяют ученым всего мира обмениваться мнениями по проблемам исследования языков и литератур тюркского мира, что способствует популяризации отечественной тюркологии, а также укреплению сотрудничества ИСАА МГУ с ведущими тюркологическими центрами России и зарубежья.

Хотелось бы остановиться и на огромном вкладе, который внесли в организацию Дмитриевских чтений и публикацию их материалов профессор Грунина и ее преемники – профессор Ю.В. Щека (1946–2013), профессор Д.М. Насилов. Ю.В. Щека и Д.М. Насилов много и плодотворно занимались технической организацией Дмитриевских чтений и последующей публикацией материалов конференции в виде сборника статей «Вопросы тюркской филологии». В настоящее время, следуя тенденциям времени, кафедра изменила этот формат и перешла к публикации коллективных монографий, содержание которых во многом перекликается с материалами конференции.

Работа нынешней конференции, как обычно, осуществляется в двух секциях лингвистики и литературоведения/культурологии. Число заявок на участие в конференции неуклонно растет. Расширяется и география докладчиков, которые представляют ведущие тюркологические центры Российской Федерации, стран СНГ и дальнего зарубежья. В этом году почетным гостями конференции являются директор Института им. Юнуса Эмре (г. Анкара, Турция), д.филос. н., проф. Абдуррахман Алия и председатель Турецкого лингвистического общества (г. Анкара, Турция) д.ф.н., проф. Осман Мерт, которые выступят с докладами. Мы с нетерпение ожидаем и доклада еще одного почетного гостя конференции д.ф.н., проф. Университета Хаджетттепе (г. Анкара, Турция) Шюкрю Халука Акалына. Кроме того, в этом году с докладами выступают представители ИСАА МГУ, Восточного факультета СПбГУ, Дипломатической академии МИД России, МГИМО МИД РФ, Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, Московского Государственного

Лингвистического университета, Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, Института языкознания РАН, Института мировой литературы РАН, Института востоковедения РАН, Чувашского государственного института культуры и искусств, Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чувашского государственного института культуры и искусств (Чебоксары), Казанского федерального университета, Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, Института международных отношений КФУ (Казань), Высшей школы востоковедения ИМОИ иВ КФУ (Казань), Института истории и археологии АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан), Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (Ашхабад, Туркменистан), Туркменского государственного университета им. Махтумкули (Ашхабад, Туркменистан), Института международных отношений МИД Туркменистана, Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Института венгерских исследований (Будапешт, Венгрия), Главного управления религиозного образования Национального министерства образования Турции (Анкара, Турция), Университета Хаджеттепе (Анкара, Турция), Эрджиесского университета (Кайсери, Турция), Университета им. Ататюрка (Эрзурум, Турция), Института им. Юнуса Эмре (Москва, Турция), Нанкинского университета науки и технологий (КНР).

Лингвистические доклады традиционно концентрируются вокруг проблем лексикологии, фонетики и морфологии тюркских языков, а литературоведческие – вокруг художественных приемов литературных текстов тюркских народов. Богатая география и проблематика выступлений подтверждают высокий статус Дмитриевских чтений как одной из наиболее значимых международных научных конференций, которые пользуются заслуженным авторитетом в вузовской и академической тюркологии.

Позвольте пожелать участникам конференции дальнейших творческих успехов на благо развития современной тюркологической науки!

М.М. Репенкова

ЛИНГВИСТИКА

Ш.Х. Акалын (д.ф.н., проф. Университет Хаджеттепе, г. Анкара, Турция)

НАШ НОВЫЙ СЛОВАРЬ: «СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА»

В данном докладе я постараюсь представить вам нашу последнюю работу, находящуюся на стадии публикации, — «Словарь синонимов турецкого языка» (ССТЯ). Этот словарь является нашим совместным трудом с моим коллегой из Института турецкого языка, экспертом Б.Т. Аксу.

ССТЯ представляет собой справочное издание, в котором представлены слова и словосочетания турецкого языка, имеющие одинаковое или близкое значение, с указанием их этимологии, метафорического значения наряду с прямым, а также сфер употребления, таких как жаргон, разговорная речь, диалекты и др.

В своем докладе я в первую очередь остановлюсь на понятиях *синонимия* и *синонимичное слово*. Как известно, одной из самых сложных областей языкознания является семантика, а в рамках семантики особую сложность представляют именно синонимы. В турецком языке эти элементы лексической системы также называются *anlamdaş*. В османском языке для их обозначения использовались термины *müteradif*, *müradif*, *teradüf*, *hem-mana*, позднее вошел в употребление заимствованный из французского языка термин *sinonim* (от фр. *synonyme*), особенно к нему прибегали в преподавании иностранных языков, а также в некоторых грамматических и лингвистических исследованиях. В изданном Турецким научно-исследовательским институтом языка «Карманном руководстве с османского на турецкий язык» в качестве

эквивалента для *müteradif* и *müradif* было предложено слово *çemdeş* (*çem* ‘значение’ + *deş*), однако этот термин не прижился.

Подготовленный нами ССТЯ представляет собой труд, в котором представлены синонимичные слова и словосочетания, входящие в лексический состав турецкого языка. Настоящее издание охватывает лексику XX—XXI вв. современного турецкого языка, включая как исконно турецкие, так и заимствованные слова, элементы иностранного происхождения, а также слова, образованные от заимствований по правилам как исходного языка, так и турецкого.

Этот труд — не просто словарь, в котором синонимы к заглавной словарной единице перечислены последовательно, а справочное издание**,** где:

- синонимы заглавной единицы сгруппированы,
- схожие концепты объединены,
- для заимствований — указывается исходный язык,
- представлены сведения об употреблении слов в переносном значении, в жаргоне, в разговорной речи, в диалектах и других контекстах.

В нашем словаре наряду с 879 омофонами, обозначенными римскими цифрами, содержится 32 515 лексем, представленных вместе с синонимами.

Некоторые слова в зависимости от значения не являются взаимозаменяемыми в переносном, жаргонном, оскорбительном или грубом употреблении. Чтобы пользователи могли правильно выбирать слова в зависимости от контекста, такие слова в словаре представлены в следующем порядке: прямое значение, если таковое имеется — переносное значение, жаргон, грубая речь, ирония, оскорбление, шутливое употребление, фамильярные выражения, разговорная речь, диалектные формы. Каждая из этих групп обозначена римской цифрой и представлена как отдельная словарная статья:

> **ağırlık (I) 1.** sıklet (Ar.) ‘вес’ **2.** tartı ‘взвешивание’ **3.** gravite (İng.), yoğunluk ‘гравитация, плотность’ **4.** kalın ‘толщина’

ağırlık (II) *mec*. **1.** sıkıntı (I), kasavet (Ar.), mihnet (Ar.) ‘тяжесть, печаль’ **2.** sorumluluk ‘ответственность’, **3.** ağırbaşlılık (mec.), ciddilik, ciddiyet (Ar.), vakar (Ar.), vakarlılık, vakurluk ‘серьёзность, достоинство’

ağırlık (III) *ağz*. takı, asım takım (ağz.) ‘украшение’

incelik (I) kibarlık, letafet (Ar.) ‘изящество, утончённость’

incelik (II) *mec*. ayrıntı ‘деталь, тонкость’

takanak (I) *gd*. alacak, matlup (Ar.) ‘долг, требование’

takanak (II) *ağz*. borç (Soğd.), verecek ‘долг’

Слова, которые включены в «Турецкий словарь» как общеупотребительные и чья частотность подтверждена корпусными исследованиями, в данном словаре выделены подчёркиванием:

aceleleştirme çabuklaştırma, tacil (Ar.), tesri etme ‘ускорение’

tacil *Ar*. çabuklaştırma, aceleleştirme, tesri etme ‘ускорение’

tesri etme çabuklaştırma, aceleleştirme, tacil (Ar.) ‘ускорение’

Исходя из данных принципов, мы подготовили ССТЯ как результат стремления охватить всю лексику турецкого языка и представить её в структурированной и наглядной форме.

Наша цель — предложить источник для студентов, преподавателей, академиков, писателей, сценаристов, переводчиков, редакторов, корреспондентов, продюсеров, ведущих, а также всех, кто профессионально работает с языком, интересуется им или изучает турецкий как иностранный.

Мы надеемся, что этот труд поможет всем, кто стремится использовать турецкий язык с его тончайшими нюансами и выразительной глубиной, совершенствовать свои навыки владения турецким и достичь более качественного, детализированного и выразительного уровня устного и письменного изложения.

В своем докладе я постараюсь подробно ознакомить участников со всеми особенностями нашего словаря, подготовленного совместно с Б.Т. Аксу. Ожидается, что наш словарь будет опубликован Институтом

турецкого языка к концу этого года. Как составители данного издания, мы будем глубоко признательны и искренне рады вопросам и предложениям уважаемых коллег.

Aşirov T.A. (Doç. Dr. Türkmenistan Bilimler Akademisi Tarih ve Arkeoloji Enstitüsü, Aşkabat, Türkmenistan)

SOVYET TÜRKMENİSTANI'NDA 1930'LU YILLARDA TÜRKMEN DİLİNİN TERMİNOLOJİSİ ÜZERİNE ÇALIŞMALAR: ABA ÖVEZOV ÖRNEĞİ

Sovyet Türkmenistanı döneminde Türkmen dilinin terim konusu araştırılmaya ve çalışılmaya başlanmıştır. Bu konuda M. Geldiyev (1889–1931) 1925 yılında "Türkmenistan" gazetesinde «"Türkmenistan" Gazetiniň Dili yaki Bizde Adalga (Istılah) Meselesi» ("Türkmenistan" Gazetesinin Dili veya Bizde Kavram (Istılah) Konusu) adlı makalesiyle başlayan araştırma bunun bariz örneklerinden biridir. Aynı zamanda "A. H." şeklinde ad ve soyadının ilk harflerinin kısaltmasıyla yazısının altına imza atan yazar A. Hocamberdiyev'in 1926 yılında "Türkmenistan" gazetesinde "Edareleri Yerlileştirmek ve Termin Meselesi" (Kurumları Türkmenleştirme ve Kavram Konusu) başlıklı makalesiyle terim konusu araştırılmaya ve tartışılmaya devam etmiştir.

Sovyet Türkmenistanı'nda 30'lu yıllardaki Türkmen dilinin terminolojisi üzerine gerçekleşen tartışmalar sonucunda terim konusunun üç akım çerçevesinde şekillendiği görülebilir. Nitekim G. Gurtmıradov'un (1904–1938) 1933 yılında "Türkmenistan" gazetesinde yayımlanan "Türkmen Dilinde Terminologiya İşlenmekliğiŋ Yiti Meseleleri Dogrısında Bir Nâçe Söz" (Türkmen Dilinde Terminoloji Çalışmasının Tartışmalı Konuları Üzerine Birkaç Söz) başlıklı makalesi, bu akımın bir örneğidir. Bu konuda Aba Övezov'un terim ile ilgili yazısının ayrı bir yerinin olduğunu söylemek mümkündür.

Türkmen Medeniyet Enstitüsü Başkanı A. Övezov terim konusunda 1930 yılında "Adalga (Terim) Meselesi" olarak adlandırılan bir makale kaleme almıştır. Bu bağlamda Övezov'un makalesinin, Sovyet Türkmenistanı'nda Türkmen dilinin terminoloji çalışmalarının mazisini aydınlatıcı ve geleceğinde ise yol gösterici bir metin olduğu söylenebilir. Bu yazının, 1930'lu yıllarda Sovyet Türkmenistanı'ndaki Türkmen düşünce yapısının açıklanabilmesi açısından da değerli bir çalışma olduğu ifade edilebilir.

Bak H. (Dr. Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Rus Dili ve Edebiyat Bölümü, Erzurum, Türkiye; доц. МГПУ, г. Москва)

YABANCI DİL OLARAK TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE LİNGVO-KÜLTÜREL YAKLAŞIM (REŞAT NURİ GÜNTEKİN'İN "ÇALIKUŞU" ROMANI ÖRNEĞİNDE)

Son yıllarda küreselleşmenin etkisiyle, yabancı dillere yönelik öğrenme ihtiyacı ve ilgi hızla artmıştır. Bu durum, yabancı dilin doğru ve etkili öğretiminde kullanılan yöntem ve metotların önemini artırmıştır. Bu bağlamda, yabancı dil öğretimi alanında pek çok bilim insanı ve pedagog tarafından çeşitli yöntemler öne sürülmüştür. Yabancı dil olarak Türkçe öğretimindeki temel ve etkili metodolojik yaklaşımlar şunlardır: 1) Bir dilin yapısal özelliklerinin (sözcük bilgisi, dil bilgisi ve çeviri özellikleri) analizine dayalı *sözcüksel ve dilbilgisel yöntem*; 2) Okuma ve çeviri becerilerini geliştirmenin yanı sıra konuşma becerisini de artırmayı hedefleyen *iletişimsel yöntem*; 3) Türkçe edebî eserlerden kesitler dinleyip analiz ederek ve ana dili Türkçe olan kişilerle iletişim kurarak işitsel hafızayı güçlendiren *videolinguistik yöntem*; 4) Öğrencilerin kendi yaptıkları edebî çalışmalar ve benzeri uygulamalar. Bahsi geçen yöntemlerin yanı sıra, son dönemlerde lingvo-kültürel yaklaşım da büyük önem kazanmıştır. Bu yaklaşım kapsamında, yabancı dil olarak öğretilecek dilin, o dile yabancı olanlara en etkili biçimde aktarılabilmesi için, dilin kültür ögeleri ve farklı semantik yapılarının incelenmesi gerekmektedir. Dolayısıyla bu çalışmada, dönemin Türkiye'si hakkında önemli bir kaynak niteliği taşıyan Reşat Nuri Güntekin'in ünlü "Çalıkuşu" *(Королек – птичка певчая, 1922)* adlı romanı üzerinden lingvo-kültürel yaklaşımla yabancı dil olarak Türkçe öğretimi ele alınmıştır. Bu doğrultuda, eserde sıklıkla karşılaşılan metaforlar, deyimler, atasözleri ve farklı semantik yapılardaki cümleler incelenmiştir. Yabancı dil olarak Türkçe öğretiminde sosyo-kültürel ögelerin yabancılara aktarımı, çeviri analizi, dil bilgisel analiz ve karşılaştırma yöntemleri kullanılarak açıklanmıştır. İnceleme sırasında, dönemin aile ve toplum yapısının bir kesitini yansıtan "Çalıkuşu"

romanında, Türk dilinin etkileyici kullanımı gözlemlenmiş; ayrıca, dönemin sosyo-kültürel bağlamını yansıtmak amacıyla bazı sembollerin kullanıldığı tespit edilmiştir. Ek olarak, çeşitli söz sanatları, Türk dil bilgisine özgü cümle yapıları ve dilsel ögeler de eserde yer almaktadır. Örneğin, benzetme söz sanatı, deyim ve atasözlerinin kullanımı, Eski Türkçeden alınan bazı kelimeler; Türkçe basit cümle örnekleri ile özgün karmaşık cümleler ve sözdizimsel yapılar, eserdeki söz sanatları, dilsel ögeler ve semantik yapılar arasında sayılabilir. Sonuç olarak bu çalışma, dil ve kültürün iç içe geçtiği bir ortamda, Türkçenin yabancı dil olarak öğretiminde yenilikçi bir yaklaşım sunarak, çağdaş eğitim paradigmasının dönüşümüne ışık tutmaktadır.

Валеев Р.М. (д.и.н. К (П)ФУ, г. Казань)
Валеева Р.З. (к.пед.н. КИУ им. В.Г. Тимирясова, г. Казань)
Кириллина С.А. (д.и.н. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)
Лю Лицю (к.и.н. Нанкинский университет науки и технологии, г. Нанкин, КНР)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАД. В.А. ГОРДЛЕВСКОГО: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА АКАД. В.В. БАРТОЛЬДУ ИЗ ФОНДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН[1]

Первые два десятилетия XX в. отразили переломные общественно-политические и социокультурные изменения в российском государстве и обществе и, конечно, в судьбах и наследии выдающихся востоковедов – ученых Москвы и Санкт-Петербурга, которые оставили значимые работы по истории и культуре тюрко-монгольских народов.

Академики-востоковеды РАН В.В. Бартольд (член-корр. с 1910 г. и академик с 1913 г.) и В.А. Гордлевский (член-корр. с 1929 г. и академик АН СССР с 1946 г.) – значимые фигуры в истории отечественной классической ориенталистики и арабо-мусульманских штудий, в частности, московского и санкт-петербургского центров востоковедения, особенно в сфере академической и университетской тюркологии, османистики, арабистики, иранистики и общественной жизни Российской империи и СССР. Они широко известны в истории гуманитарной науки современной Российской Федерации и стран СНГ.

Оригинальным и интересным источником личных связей и истории российского востоковедения остается эпистолярное наследие отечественных востоковедов, в частности сохранившиеся письма представителя московского центра ориенталистики В.А. Гордлевского академику В.В. Бартольду (1910–

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

1928 гг.) из его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. В.А. Гордлевский – В.В. Бартольд. Письма).

Основное внимание в докладе уделено обзору и оценке материалов 27 писем В.А. Гордлевского из Москвы, Уфы и Зушы, отразивших этапы его жизнедеятельности и творчества и страницы истории московского востоковедения и тюркологии. Также будет обращено внимание на единственное письмо (от 1 апреля 1929 г.) В.А. Гордлевского акад. И.Ю. Крачковскому, которое сохранилось в этом фонде В.В. Бартольда. В перспективе предстоит их полностью опубликовать. Этот оригинальный эпистолярий, несомненно, воссоздает объективную и отчасти субъективную картину жизненных реалий востоковедения в России, в том числе Москве, в первые десятилетия XX в.

Введение в научный и просветительский оборот писем В.А. Гордлевского академику В.В. Бартольду создает новую документальную базу для углубления освещения жизни и деятельности московского востоковеда-турколога и османиста и академика АН СССР и целостных представлений по истории российской ориенталистики в переломные первые десятилетия XX в.

Валеев Р.М. (д.и.н. К(П)ФУ, г. Казань)
Валеева Р.З.(к.пед.н. КИУ им. В.Г. Тимирясова, г. Казань)
Самигуллин А.Н. (аспирант К(П)ФУ, г. Казань)

ИСТОКИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ С.Е. МАЛОВА: КАЗАНЬ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН (1880–1922 ГГ.): К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ[2]

В 2025 г. внимание коллег России и современных тюркских государств будет приковано к 145-летнему юбилею со дня рождения выдающегося знатока древнетюркских рунических и уйгурских памятников, истории, языка и культуры тюркоязычных народов и педагога-тюрколога, тем более его биографии и наследию, связанному особенно с известными двумя научными путешествиями в Западный и Центральный Китай (1909–1911 и 1913–1915). В 2025 г. отмечается памятная дата – 110-летие завершения туркестанской экспедиции.

Приват-доцент Казанского (1916–1922) и профессор Санкт-Петербургского университетов С.Е.Малов (1880–1957) (чл.-корр. РАН с 1939 г.) – выдающаяся личность в истории дореволюционной и советской отечественной академической ориенталистики, в особенности, казанского, санкт-петербургского центров тюркологии. Он сыграл важную роль в изучении языков, истории и культуры и внес неоценимый вклад в формирование советских национальных школ современных тюркоязычных государств и обществ Центральной Азии. Он широко известен и почитаем в истории гуманитарной тюркологической науки современной Российской Федерации и стран СНГ.

[2] Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 25-28-20026) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Изучение тюркской цивилизации, ее духовной составляющей в древности, средневековье и современности органично стало базой его научного и гуманистического творчества. Он был одним из родоначальников советской классической тюркологии.

Во многом деятельность Н.Ф. Катанова и Н.И. Ашмарина в Казани в конце XIX – первые десятилетия XX в. объединяла блестящая востоковедческая подготовка и творческая свобода поиска, мысли и духа. Эти черты заметны в деятельности С.Е. Малова в 1916–1922 г., яркого представителя нового поколения российских тюркологов в Казани и Санкт-Петербурге. В то же время они остались учеными-тюркологами-одиночками, которые творили в условиях отсутствия полноценного статуса востоковедения в Казани на рубеже XIX и XX вв. Они внесли свой неповторимый вклад в отечественную историю тюркологических знаний и во многом влияли на формирование общественного сознания о феномене Востока, в том числе тюркского мира. Их наследие стало катализатором развития национальных гуманитарных школ и направлений российского общества.

В докладе основное внимание уделено освещению событий и роли С.Е. Малова в казанский, санкт-петербургский и экспедиционный периоды его жизнедеятельности до 1922 г. Представлен краткий обзор некоторых неизвестных архивных документов данного этапа и рубежей его творчества, которые сохраняются в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1079), фондах Государственного архива Республики Татарстан и в других отечественных культурных центрах.

Особый интерес представляет личный фонд лингвиста, фольклориста, этнографа, члена-корреспондента (с 28 января 1939 г.) С.Е. Малова в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Фонд поступил в этот известный академический архивный центр из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1981 г., переданный вдовой С.Е. Малова – А.М. Маловой в 1969 г.

В Архиве РАН в Санкт-Петербурге сохранился уникальный фонд из 842 единиц, в который входят неопубликованные научные труды за 1902–1957, лекции, а также обширная переписка за 1903–1968 гг. В числе адресатов и корреспондентов – В.В. Бартольд, В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов, И.Ю. Крачковский, В.В. Радлов и др. Особый интерес среди материалов фонда представляют экспедиционные материалы за 1909–1936 гг.: фольклорные, лингвистические и этнографические записи, сделанные во время экспедиции по Туркестану (1910–1914), отчеты об экспедициях в Кашгарию (1915), в татарские селения Казанской губернии и ТАССР (1919, 1920, 1921), дневники путешествий в Среднюю Азию (1930, 1935–1936)».

В 1922 г. С.Е. Малов писал акад. С.Ф. Ольденбургу: «Я начинаю подумывать покинуть родную Казань…» Отъезд С.Е. Малова из Казани в Петроград открыл новый рубеж тюркологического творчества и феномена наследия выдающегося ученого и личности и в целом истории и современной парадигме российской тюркологии на рубеже XXI в.

Верхова К.А. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУРЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Изъяснительными конструкциями в практике преподавания турецкого языка принято называть конструкции, семантически эквивалентные русским оборотам ‘[новость, сообщение и др.] о том, что / касаемо того, что’. Отмечается, что данные конструкции характерны для коммуникации в рамках общественно-политического дискурса. Различают следующие структурные разновидности изъяснительных конструкций:

1. *Изафетные конструкции* структурно представляют собой одноаффиксный изафет, в котором определение выражено оборотом с предикативным центром в виде глагольных имен на *-DIğI-* или *-(y)AcAğI-* (субъект действия оборота выражается лексемой в родительном падеже), а определяемое – именем существительным типа *haber* ‘новость’, *fikir* ‘идея’, *açıklama* ‘заявление’, *bildiri* ‘сообщение’ и др. с присоединением притяжательного аффикса 3-го лица *-(s)I-/-lArI-*.

2. *Послеложные конструкции* – сочетание оборотов, предикативный центр которых выражен глагольными именами на *-mAsI-*, *-DIğI-* или *-(y)AcAğI-* (субъект действия оборота выражается лексемой в родительном падеже), с послелогами *dair*, *ilişkin* ‘относительно, касаемо’ и послеложным выражением *ile ilgili* ‘связанный с’.

3. Отдельно стоит выделить сочетание указанных в пункте 2 оборотов со служебными именами *hakkında*, *konusunda* ‘о/об, по вопросу’.

Исследование предпринято на материале турецких газетно-публицистических текстов, хронологически относящихся к второй четверти XX в. и первой четверти XXI в. Результаты исследования показывают общее снижение частотности использования изъяснительных конструкций в текстах XXI в., что может быть обусловлено изменением стилистики газетно-

публицистического текста. Наиболее часто в текстах XXI в. и с довольно высокой частотностью в текстах XX в. используется послеложная конструкция *-DIğInA dair*, при этом на современном этапе она чаще всего употребляется с оборотами, вводящими косвенный вопрос. В анализируемых текстах XXI в. также отмечается увеличение частотности употребления изафетных изъяснительных конструкций. Значительное снижение частотности фиксируется у конструкций со служебными именами.

Исследование синтаксиса турецкого газетно-публицистического текста в диахроническом аспекте позволяет определить стилевые черты, характерные для соответствующего функционального стиля турецкого литературного языка, проследить динамику изменения стиля, а также выявить наиболее частотные синтаксические образования для использования в переводческой и преподавательской практике.

Глашев А.А. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ТЮРКОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ. ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

В тюркологии накопилось большое количество нерешенных вопросов, ряд которых еще далек от полноценного научно-обоснованного разрешения. Причина этого в том, что до настоящего времени тюркология понимается, прежде всего, как чисто филологическое направление в науке. Соответственно практически все исследования носят сугубо лингвистический характер, без привлечения данных других наук (археологии, этнографии, искусствоведения, источниковедения, географии и др.).

В последнее время в научном сообществе все чаще заостряется внимание на междисциплинарном методе в научных исследованиях. Все очевиднее становится необходимость такого подхода и в тюркологических исследованиях, в частности, при сравнительно-историческом изучении языков, реконструкции тюркских языков. Особенно это важно при работе с древнетюркскими письменными памятниками, в сложнейшем деле их перевода и интерпретации.

В этом плане весьма показательной является история исследований языка европейских гуннов или «гуннского языка», т.е. того языка, на котором говорил Аттила и его ближайшие предки. Дискуссия о языке центральноазиатских сюн-ну (хун-ну или хуннов) и их возможной этнической связи с европейскими гуннами – это отдельный и не менее сложный вопрос, который мы рассматривать здесь не будем.

Сложность вопроса о «гуннском языке» усугубляется тем, что сих пор не найдено ни одного текста, написанного на «гуннском языке», что породило дискуссию об этнической принадлежности гуннов. При этом, если о языке хун-ну (сюн-ну) действительно ничего не известно и у нас практически нет никаких материалов (за исключением крайне искаженного китайцами стишка

и одного слова), то о языке европейских гуннов известно намного больше. Однако, несмотря на это, многие исследователи считают, что гунны являются народом неизвестного происхождения, не являются тюрками, происходят от сюн-ну, которые в свою очередь, возможно принадлежали по языку к палеоазиатской или кетской группе. Эта версия в советский период была высказана Г. Дёрфером в его обширной статье «О языке гуннов», опубликованной на русском языке в 1986 г. В данной работе автор на основе анализа сохранившихся слов языка европейских гуннов (в основном имена) приходит к выводу о том, что европейские гунны не были тюрками и не известно, какого они происхождения. Эта ошибочная, на наш взгляд, позиция поддерживалась и поддерживается рядом авторов (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. и др.). Тем не менее, исследователи часто апеллируют к указанной устаревшей работе Г. Дёрфера.

Так, Г. Дёрфер дает этимологию имени младшего сына Аттилы *Ирнака* (*Ирнах*) *Ἤρνάχ*, *Ηρνάχ*, *Irnäk*, *Irnik*, *Hernac*, которое имеет тюркское происхождение. Ф. Альтхайм его правильно считал тюркским, но неглубокое знание этнографии и литературы тюркских народов не дало ему весомых аргументов для отстаивания этой точки зрения. Г. Дёрфер оппонировал Ф. Альтхайму так: «Истолкование имени Hernac (Ἤρνάχ) как тюркское *ärŋäk* ‘большой палец’, предлагаемое Альтхаймом, неубедительно <…> К этому толкованию никто не присоединился». Действительно, оно означает не ‘большой палец’. Имя *Ирнак* (*Ирнэк*) распространено у тюрков и значит букв. ‘мизинец’ и используется как уменьшительно-ласкательное обращение к младшему сыну, т.е. «Баловень судьбы». Так сибирские татары, караимы и др.) называют самого младшего сына, баловня, как бы подчеркивая то, что он самый маленький и его нужно холить. В дастане сибирских татар «Алып Мамшан» *Ирнэк* – самый младший брат Алып Мамшана. В связи с этим интересно сообщение Приска о том, что Аттила очень любил младшего сына Ирнака и не уделял столько внимания другим сыновьям. Это гуннское имя

сохранилось у хакасов и под 1666 г. в архивах упоминается знатный хакас *Иренак Ишеев*. Следует также привести чагат. *іргäк* **ايركاك** ‘степень’, ‘достоинство’, ‘чин’, уйг., тоб. *іргäк* ‘мужчина’, ‘самец’, кар.-балк. *ïrnïk* ‘дикий’, ‘дикорастущий’> *ïrnïk kištik* ‘дикая кошка’. Случай с этим гуннским именем ярко показывает то, насколько рискованно делать скоропалительные выводы и насколько важно применять междисциплинарный метод и в лингвистике, особенно в таком сложном деле, как реконструкция древних языков и памятников.

Г. Дёрфер также не находит у тюрков и другое имя знатного гунна, дяди Аттилы – Öйбарс Ὼηβάρσιος, и, оспаривая его тюркскую принадлежность, заявляет о том, что в тюркских языках не известно таких имен. Но тюркам это имя известно: *Айбарс* ايبرس (букв. луна (счастливая)+пантера) приводится в качестве имени собственного в тюркско-арабском словаре старокыпчакского языка «Китаб-и меджму-у терджуман тюрки ве ‘аджеми вк моголи ве фарси». *Ай* **آی** (узб. *Ой*) в тюркских мужских именах означает ‘луна’, ‘счастье’, ‘счастливый час’. Известно тюркам и имя *Барс* **برس** ‘тигр’.

Не менее показательна этимология имени гуннского военачальника и посла Харатона **(**Χαράτων). Исследователи, включая Г. Дёрфера, не дали ему удовлетворительный перевод. Хотя, О. Прицак считал его составным из тюрк. *кара* «черный» + *тон* «одежда». Между тем, оно известно в кар.-балк. *къаратон* ‘бездетный’ <кар. *қаратон* ‘жрец’, алт. *каратун* **قراطون** ‘чернец’, ‘жрец’, ‘монах’, караим. г.-л. д. *kara tonlu* ‘священник другой (некараимской) конфессии’. Пр.кар.-балк. *къаратон* ‘жрец, отшельник’> кар.-балк. *къаратон* ‘бездетный’. У тюрков вожди часто были и жрецами. В казахском и ногайском эпосе *Карадон-батыр* – один из главных героев-батыров, а в Сибири отмечена р. *Каратон*.

Приведенные примеры говорят о необходимости междисциплинарного подхода в тюркологических исследованиях.

Гочова О.С. (ИЯЛ и НР им. Махтумкули АНТ, г. Ашхабад, Туркменистан)

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на тот факт, что просодическая функция сингармонизма и ударения в тюркских языках считается достаточно изученной, этот вопрос до сих пор остается одним из спорных аспектов в тюркологии, в том числе в туркменском языкознании. Проблема состоит в том, что среди ученых нет единого мнения по поводу интерпретации просодии слова в тюркских языках. Некоторые языковеды вслед за Бодуэном де Куртенэ приписывают сингармонизму ту функцию, которая во многих других языках мира присуща ударению, а другие считают, что сингармонизм не является суперсегментным средством и основную просодическую функцию выполняет ударение.

Видный тюрколог, автор фундаментальных трудов по многим тюркским языкам Н.К. Дмитриев рассматривает сингармонизм как один из видов ассимиляции звуков. Некоторые туркменские ученые (Дж. Амансарыев, Т. Тачмырадов, М. Худайкулиев) присоединились к мнению Н.К. Дмитриева в своих работах. В своем двухтомнике по фонетике туркменского языка А. Нурмухамедов предлагает рассмотреть сингармонизм и ассимиляцию согласных звуков как разные фонетические категории, несмотря на некоторую их общность.

В книге «Грамматика башкирского языка» вопрос отношения сингармонизма к согласным Н.К. Дмитриевым интерпретируется следующим образом: «Гармония согласных заключается в ассимиляции согласных по звонкости и глухости: после конечных согласных корня (основы) должны следовать начальные звонкие согласные аффикса и обратно». Высказывание ученого нам представляется абсолютно правильным, так как в тюркских языках, в том числе и в туркменском языке, сингармонизм распространяется не только на гласные, но и на согласные, когда происходит уподобления последующих звуков предшествующим.

Уже упомянутый нами фонетист А. Нурмухаммедов заявляет, что туркменский языковой материал свидетельствует о сингармонизме как о гармонии гласных в слове, тем самым считая его сегментным средством. Так как сингармонизм является сегментным явлением, он не может быть просодическим. И хотя А. Нурмухаммедов объясняет сингармонизм как «гармонию гласных», в своем позже опубликованном двухтомнике по фонетике туркменского языка он все-таки признает, что сингармонизм – суперсегментное явление, и пишет так: «Следует отметить, что понятие сингармонизма более широкое, чем так называемая “гармония гласных”, поскольку оно включает в себя все согласные в слогах и слово целиком». Также трудно согласиться с его мнением о том, что «в туркменском языке ударение осуществляется повышением колебания основного тона гласного и усилением его интенсивности, оно является тонально-динамическим». Туркменские учёные А. Моллаев и Дж. Гокленов отмечают, что, если даже ударение падает на последний слог слова, гласная первого слога сохраняет существенную интенсивность.

Проведенный нами осциллографический анализ трёхсложных слов (Толковый словарь туркменского языка в двух томах, 2016) CVC слоговой структуры подтверждает мнения ученых, высказанные выше. Учитывая необходимость изучения ударения в контексте, в предложении, все слова были произнесены двумя дикторами в составе фразы, а далее осуществлялась сегментация. По результатам анализа можно прийти к выводу, что акустические параметры гласных незначительно отличаются. Это парадоксальное явление вовсе не согласуется с мнением о тонально-динамическом характере ударения в туркменском языке.

Придерживаясь мнения некоторых тюркологов и опираясь на результаты, полученные нами с использованием программы Praat, мы считаем, что сингармонизм выполняет основную просодическую функцию слова в туркменском языке.

Гылыджов А.А. (к.ф.н. ИЯЛ и НР им. Махтумкули АНТ,
г. Ашхабад, Туркменистан)

АНТОНИМЫ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Антонимы встречаются как в нарицательных существительных, так и в собственных именах туркменского языка. Они находят отражение в топонимических названиях, антропонимах, зоонимах и в других разделах ономастики. Отметим, что антонимы часто встречаются в названиях гор, холмов, ущелий *(Akburun – Garaburun)* и т. д. В туркменском языке к антонимам можно отнести такие слова, как *ak* ‘белый’ – *gara* ‘черный’, *şor* ‘соленый’ – *ýuwan* ‘несоленый’, *uly* ‘большой’ – *kiçi* ‘маленький’, *dogry* ‘ровный’ – *egri* ‘кривой’, *köne* ‘старый’ – *täze* ‘новый’ и др.

Данные лексемы участвуют в образовании сложных имен собственных – топонимических названий. Например, названия горы: **Akbil** (*ak* ‘белый’, *bil* ‘седловина’) – **Garabil** (*gara* ‘черный’, *bil* ‘седловина’); **Uly Balkan** (*uly* ‘большой’, *Balkan//Balhan* – название горы) – **Kiçi Balkan** (*kiçi* ‘маленький’, *Balkan//Balhan* – название горы). Названия горного ручья, например, **Akbulak** (*ak* ‘белый’, *bulak* ‘ручей’) – **Garabulak** (*gara* ‘черный’, *bulak* ‘ручей’). Также подобные примеры встречаются и в названиях местности: **Şorgala** (*şor* ‘соленый’, *gala* ‘крепость’) – **Ýuwangala** (*ýuwan* ‘несоленый’, *gala* ‘крепость’); **Köne Nusaý** (*köne* ‘старый’, Nusaý ‘Ниса’) – **Täze Nusaý** (*täze* ‘новый’, Nusaý ‘Ниса’) и др.

Антонимы встречаются и в личных именах туркмен, например: **Akja** (женское имя, *ak* ‘белый’, *-ja* аффикс ласкательно-уменьшительный) – **Garaja** (мужское имя, *gara* ‘черный’, *-ja* аффикс ласкательно-уменьшительный); **Akgyz** (женское имя, *ak* ‘белый’, *gyz* ‘девочка’) – **Garagyz** (женское имя, *gara* ‘черный, смуглый’, *gyz* ‘девочка’); **Arryk** (мужское имя, *arryk* ‘худой, худощавый’) – **Pökgi** (мужское имя, *pökgi* ‘толстый, упитанный’); **Syrdam**

(мужское имя, прозвище *Syrdam* ‘стройный, высокий’) – **Bükür** (мужское имя, прозвище *Bükür* ‘горбатый, сутулый’) и т.д. Среди кличек ахалтекинских лошадей встречаются такие антонимы, как **Akbürgüt** (*ak* ‘белый’, *bürgüt* ‘беркут, орёл’) – **Garabürgüt** (*gara* ‘черный’, *bürgüt* ‘беркут, орёл’) и др. Из приведенных нами примеров видно, что прилагательные *ak* и *gara* представляют собой самые распространенные антонимы в сложных именах собственных туркменского языка.

В настоящее время не все разделы туркменской ономастики изучены равномерно. Ждут внимания исследователей вопросы общей ономастики, в том числе разделы зоонимия, космонимия и др.

Джораева Дж.Х. (ТГУ, г. Ашхабад, Туркменистан)
Сатымова М.М. (ТГУ, г. Ашхабад, Туркменистан)

TURKMEN AND PERSIAN TWIN WORDS IN MAGTYMGULY PYRAGY'S POEMS

Magtymguly Pyragy's poems are rich in meaning and content, and most of the words of poems include Arabic-Persian words. Magtymguly Pyragy also used a lot of twin words in his poems. If twin words are compared according to the origin, Turkmen and Persian words are combined together and they are similar in meaning. One of the word is Turkmen, another one is Persian, which today is used in Turkmen literary language. As an example in the poem of Magtymguly Pyragy: ***Toprak-häki*** *öwrülip maý* ('The **soil** turns into **oil**') in this line, the first word 'soil' according to the etimology of this word is Turkmen, dry top of the earth, but when it is squashed it turns into lumpy, is the name of filthy sand, consists of the root word *topur* and *-ak* is ending. Actually the word *topur* is also created from the word *top* 'soil' and *–ur* is ending. It gives the meaning '*Günüň aşagynda guran, tokgalanan gum*' ('The lumpy sand dried under the sun'). The word 'soil' is characteristic of Mongolian language (*towroh*/soil, dust, sand). The word ***häki*** ('oil') in the second part as regards its origin is the Persian word, is used in the same meaning as *çaň, tozan, toprak, ýer* ('dust, filthy, soil, earth'). So ***toprak-häki*** **('soil-oil'),** the words of two languages, were used in the poem of Magtymguly Pyragy as in the same meaning as *toprak, ýer* ('soil, earth').

So, in the poem of Magtymguly Pyragy "Me" in this couplet: *Uçdum suýu-asman üzre men Süleýman isteýip* ('I flew to the water-sky, I wanted Suleyman'), water-sky twin words are made up of opposite words, the word "water" in Turkic languages comes across as *şyýyk* (başgyrt), *syýyk* (tatar), *suýyk* (Kazakh), *suýuk* (Kirghiz, Uzbek, Altai, Khakas) and other kinds can be found. The word *suyuk* is 'liquid' innumerable in Turkmen dialects. It took its origin from the ancient word *suy* for the *suw*. The word *asman* 'sky' is originally a Persian word which meaning

is similar to Turkic *gök* ‘blue’. The words ‘water’ and ‘sky’ come parallel in this line of the poem, they were used in the meaning of earth and blue, having opposite meaning to each other.

In the poem “You came into Being” (*Joşa ýetdiň*) Magtymguly Pyragy used in the first part Turkmen words, in the second part Persian words, which can come across in twin words of the Turkmen language. In the line of poem, first part of twin word ‘battle, fight’ the word *jeň* (‘battle’) is originated from the Persian word, and it is translated such as ‘war, fight, argument, to battle, to fight, to argue, looser (battle, weapon)’. The word ‘fight’ in ancient Turkic languages is used in the meaning of ‘troop, soldier, military fighter’, the word *sü* in the meaning ‘spear’ (battle, weapon), *süňi, süňüg* (i.e. ‘piercing equipment’) in the Turkic name, so in the Turkmen language it is kept in the word meaning ‘fight’. We can come across in Orkhon-Yenisei Turkic inscription (cc. VII–VIII) the *süňüş* equivalent of the word *söweş* ‘fight’. After the word *sü* (*süg, süň*), the word *süňüň, sügüş* formed by adding suffix *–üş*, took the form *söweş: sügüş* < *sügeş*< *sögeş* < *söweş*. There are also those who consider the word *söweş* ‘fight’ from the word *sok* ‘pierce’, which means ‘hit’: *sok+uş* < *soguş* < *sowuş* < *sowaş* < *söweş*, it is given in the dictionary of S. Atanivazov.

Дубровина М.Э. (к.ф.н. СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМЫ ПАССИВА В ТУРЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория залога представляет собой одну из основных словоизменительных категорий глагола. Однако, несмотря на насущную актуальность сравнительных исследований механизмов функционирования залоговых форм в разноструктурных языках, работ по сравнению таких востребованных языков, как турецкий и английский, явно недостаточно. Настоящее исследование посвящено анализу форм страдательного залога в этих языках. Исследование проводится в рамках сопоставительного типологического подхода, когда особенности значений и сферы функционирования этих форм сравниваются друг с другом с целью выяснения общих и отличных черт.

Важным моментом для анализа является то, что турецкий и английский языки в соответствии с морфологической типологией языков принадлежат к языкам различных типов: турецкий – агглютинативный язык, относительно английского имеются разногласия: некоторые ученые причисляют его к флективным аналитического типа, некоторые – к корневым сродни китайскому. При таком внешнем различии может сложиться предвзятое мнение и о различиях в устройстве грамматического механизма языков. Сравнение показывает, что в вопросе пассива языковые различия выявляются прежде всего в плане выражения форм. Так, турецкая форма страдательного залога образуется синтетическим путем, т.е. с помощью присоединения к основе глагола специального маркера, морфологического показателя, английская форма представляет собой аналитическое образование, при котором употребляется служебный глагол to be в соответствующем времени и форма Past Participle смыслового глагола.

Интересно, что в результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что, несмотря на различный тип языков, а также различный способ образования форм страдательного залога, турецкий и английский пассив имеют много схожего в речевом употреблении, намного больше общего, нежели между турецким и русским языками. Во-первых, обе формы – и турецкая, и английская – являются продуктивным средством, частотность употребления которых выше по сравнению с русским языком. Во-вторых, как турецкая форма залога, так и английская имеют не одно, как традиционно полагают, а *два языковых значения*: 1) собственно-страдательное и 2) неопределенно-личное. Кроме того, формы в обоих языках имею возможность быть образованными от б**о**льшего количества временных форм, чем в русском языке и способны употребляться в предложениях как с выраженным агенсом, так и без него.

Йылмаз М. (к.ф.н. ИСАА МГУ им.М.В. Ломоносова, г. Москва)

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ТУРЕЦКОЙ ЖЕНСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ

В докладе анализируется экспрессивно-оценочная лексика, часто использующаяся в текстах турецкоязычной женской блогосферы, на материале *kadinlaryaziyor*, который является одним из наиболее популярных женских блогов в Турции. Экспрессивно-оценочная лексика – это «слова, отражающие эмоциональное отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения» [Касаткин 2013]. Данная лексика характерна в первую очередь для устных форм речи.

Все экспрессивно-оценочные единицы, которые нам встретились в текстах постов и комментариев, были подразделены нами на несколько подгрупп: 1) уменьшительно-ласкательные формы слов; 2) слова с отрицательной коннотацией; 3) слова с положительной коннотацией; 4) слова с компонентом ‘высокая степень признака’; 5) междометия.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что, несмотря на интенсивное развитие интернет-общения, в турецком языке лексические особенности текстов постов и комментариев блогов до сих пор не стали предметом фундаментальных исследований и нуждаются в детальном анализе и систематизации.

Клычева М.М. (к.ф.н., доц. МГИМО (у) МИД России, г. Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Туркменский язык сталкивается со всеми современными процессами, актуальными для других языков. Наблюдаются такие явления, как интенсивное пополнение словарного состава иноязычной лексикой, ослабление языковой нормы, демократизация и раскрепощение речевой практики, появление новых жанров и жаргонизмов и др. Но вместе с тем, есть особенные процессы, которые касаются как письменного, так и разговорного туркменского языка. Нужно отметить, что изменение словарного состава происходит не только за счёт пополнения иноязычной лексикой, но и за счёт собственных ресурсов языка - некогда диалектная лексика начинает использоваться активно и приобретает статус литературного слова, наблюдаются процессы искусственного словообразования и придания нового значения общеупотребительным словам. Ярким примером искусственного словообразования можно назвать изменения, произошедшие за довольно короткий срок в спортивной лексике в связи с поведением в Ашхабаде Азиатских игр в 2017 году.

Особенно интересно наблюдать за процессами, происходящими в устной речи.

Нужно отметить появление нового аффриката в некоторых родственных словах: *eje* ‘мама’, *gelneje* ‘невестка’. Трудно сказать, чем обусловлено его появление в языке и произойдет ли дальнейшее распространение на другие слова. Аффрикат «ц», хотя и ушел из письменного языка после перехода на латиницу, и в правописании заимствованных слов из русского языка, включающих в себя «ц», заменен на «s» (предполагалось соответствующее буквенному значению произношение), активно употребляется как в разговорной, так и в литературной речи и звучит соответственно русскому «ц».

Заимствования из русского языка всё еще сохраняются в разговорной речи даже среди тех, кто не владеет русским языком. Поскольку многие заимствования из русского языка ушли из литературного туркменского языка и отсутствует нормативная опора, в разговорной речи чаще употребляются в искаженном виде.

В устной речи не практикуется использование формы имени действия на *-mak/-mek*, чаще применяется форма на *-ma/-me*.

Произошла унификация обращений, отныне отсутствует многообразие, присущее азиатской культуре. В обиходе активно употребляются ограниченное количество обращений как в отношении мужчин, так и женщин.

Лосева-Бахтиярова Т.В. (к.ф.н., доц. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Секретные, или тайные, условные, языки до сих пор сохранились на территории Средней Азии, как и в странах Ближнего и Среднего Востока, Индии и т.д. Собственная сфера секретных (тайных) языков, как правило, ограничивается лексикой: арго создается на родном языке или диалекте арготирующей группы, используя его звуковую систему и грамматический строй. Поэтому было бы правильнее говорить не о секретных (тайных) языках, а о секретных (тайных) словарях, которые те или иные группы используют для засекречивания своей речи при посторонних.

Автором было проведено несколько полевых работ в поселках среднеазиатских цыган в Бухарской области, Узбекистан, где и произошло знакомство с их секретным языком – *мугат тили* (муга́т – самоназвание среднеазиатских цыган). Его основой является бухарский диалект таджикского языка. Этот язык (или тайный словарь) на сегодняшний день не описан и не изучен ни узбекскими, ни российскими исследователями, поэтому говорить о соотношении в нём составляющих из различных языков, в том числе тюркских, не представляется возможным. Однако в ходе всестороннего исследования данной этнической группы нами был собран уникальный архив работ, среди которых встретились содержащие тексты и разговорные фразы, записанные советскими этнографами в начале и середине прошлого века. Они включают и секретные словари нищих, бродячих артистов и музыкантов. Это и послужило материалом для нашего исследования. Число таких работ крайне невелико, что объясняется закрытостью данных сообществ и тем, что в отличие от разного рода жаргонов подобные арго являются языком конспиративным и сбор языкового материала сопровождается значительными трудностями.

Напольнова Е.М. (д.ф.н. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ И ВРЕМЕННЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В современном языкознании распространено мнение, что в основе языковых способов выражения временны́х отношений обычно лежит способ выражения пространственных отношений. Такое мнение опирается главным образом на семантику лексем, в которых объединены пространственные и временны́е значения.

В современном турецком языке локатив используется для привязки событий, действий, явлений и пр. в рамках линейной модели времени и точного суточного времени. Что касается лексем, репрезентирующих более древнюю циклическую модель времени, то для временной привязки используются только наречия времени и существительные в форме номинатива.

В современном турецком языке существует значительное количество лексем, в семантике которых присутствуют как пространственные, так и временные значения, однако анализ условий их возникновения показывает, что они в основном являются неологизмами или примерами расширения лексического значения старых лексем. Так, лексема *ilk*, выполняющая синтаксические функции прилагательного, наречия и существительного, предназначена для указания именно на первое по времени действие, событие и пр.

Всё это опровергает мнение о том, что в наивной картине мира кочевых народов пространственные представления превалировали над временными. Можно предположить, что восприятие временных и пространственных явлений значительно отличалось на ранних этапах формирования представлений об окружающем мире, до перехода к линейной временной системе.

Нуриева Ф.Ш. (д.ф.н. КФУ, г. Казань)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ

В докладе рассматривается функционирование имен Аллаха на материале произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, написанного в 1358 г. В исследуемом памятнике Махмуд Булгари раскрывает читателю ценности ислама и его этические нормы, отсюда широкое употребление религиозных терминов. Теонимы представляют собой единую систему, в которой каждое имя пребывает в непосредственной связи с единственным собственным Именем Бога.

Теонимия, зафиксированная в тюркских средневековых памятниках, предоставляет фактологический материал для культурно-исторического исследования становления ислама в период Золотой Орды на территории Поволжья. После принятия ислама влияние арабского языка на науку и культуру стало значительным, научные термины и, само собой разумеется, названия теонимов, связанных с именами Аллаха, были заимствованы из арабского языка.

Махмуд Булгари в произведении придерживался коранических имен Аллаха: *Хак, Хақ Тәғалә, Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә, Рабб, Илаһ, Баари.* Социально-культурная среда, в которой формировалось мировозрение Махмуда ал-Булгари, напрямую связана с ситуацией в Золотой Орде, когда ислам завоевывал новые позиции в Золотоордынском государстве. Наряду с другими арабскими заимствованиями, означающими имена Аллаха и Его эпитеты, в тексте сочинения зафиксированы персидские термины *Ходай, Пәрўәрдигәр,* активно применяются тюркские теонимы *Тәңри, Бир ўә Бар*. По материалам нашего исследования явствует, что Махмуд Булгари в тексте

произведения все прекрасные имена Аллаха: *Хак, Рабб, Илаһ, Баари, Ходай, Пәрүәрдигәр, Тәңри, Бир ўә Бар,* – использовал как синонимы.

Выявлена значимость традиций мусульманского Востока и региональных традиций в формировании религиозной мысли мусульман Поволжья в золотоордынский период. Употребление автором тюркских наименований Всевышнего, скорее всего, объясняется тем, что в период становления ислама в Золотой Орде Махмуд Булгари сохранил ряд региональных лексем, способствующих распространению и укреплению ислама в Поволжском регионе.

Махмуд Булгари, оставаясь в рамках традиционной мусульманской концепции, внес свой вклад в разработку теонимической лексики, свойственной для Поволжского региона в период господства Золотой Орды.

Оганова Е.А. (к.ф.н., доц. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ЛЕКСЕМА *BİR* В СОСТАВЕ ИМЕННОЙ ГРУППЫ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА

Лексема *bir* ‘один, какой-то, какой-либо, некий’ может выполнять в турецком предложении разничные фукнции, в том числе входя в состав именной группы (ИГ), выступающей в позиции прямого объекта (ПО).

Одними из первых о проблеме функционирования *bir* в составе ИГ ПО заговорили известные российские тюркологи В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, которые еще в 1971 г. писали: «В связи с тем, что есть случаи противоречивого с точки зрения современных знаний сочетания этих показателей (*bir* + прямое дополнение в винительном падеже), вопрос нуждается в специальной разработке» [Гузев, Насилов 1971: 25]. Поэтому особый акцент в докладе делается на анализе факторов, обусловливающих оформление ИГ, в состав которой входит лексема *bir*, показателем аккузатива.

ПО при переходных глаголах, занимающие дистантное положение по отношению к глаголу-сказуемому, всегда оформляются показателем аккузатива. ПО, занимающие контактное положение по отношению к глаголу-сказуемому, могут употребляться как в форме аккузатива, так и в форме номинатива/неоформленного имени. Вследствие этого в данном докладе будет рассмотрены лишь случаи контактого положения ИГ ПО, в состав которой входит лексема *bir*.

Также в докладе рассматривается соотношение категории определенности/неопределенности и категории числа в ИГ, включающих в себя лексему *bir*.

В результате проведенного исследования были выделены основные синтаксические, морфологические/морфосинтаксические, семантические и иные факторы, определяющие необходимость оформления ИГ с лексемой *bir* номинативом/аккузативом, которые были распределены по двум группам: факторы, определяющие номинативное оформление ИГ ПО, и факторы, определяющие аккузативное оформление ИГ ПО; особый акцент в обеих группах был сделан на структурных особенностях ИГ ПО.

Сафина Л.М. (к.ф.н., доц. МАДИ, г. Москва)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ ГОРТАННОГО [Г] В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: АНАЛИЗ ГИПЕРКОРРЕКЦИИ И СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Исследование произношения и звучания гортанных звуков в татарском языке имеют как фонетическую, так и семантическую ценность.

Цель нашей работы – выявить фонетические вариации звука [г] и рассмотреть влияние гиперкоррекции на их произношение.

Явление гиперкоррекции возникает, когда носители языка или изучающие его стремятся подстроить свое произношение под нормы, не всегда соответствующие историческим фонетическим особенностям языка.

В ходе исследования будут выделены различные варианты произношения звука [г] в зависимости от региона, в том числе на примере современных носителей городской и сельской культур, с учетом представителей разных диалектов татарского языка. Примеры использования [г] в разных словах помогут продемонстрировать его произношение в живом общении, а также в языке представителей СМИ.

Методология исследования включает в себя опросы носителей языка и слушателей курсов татарского языка в Москве, анализ аудио и видеозаписей, что позволит получить полное представление о произношении данного звука. Будут использованы статистические подходы для систематизации и интерпретации полученных данных.

В результаты и на обсуждение вынесены следующие положения:

1. Ключевые особенности современного произношения звука [г], анализ отражения на восприятии языка.
2. Влияние гиперкоррекции на культурную идентичность носителей языка и их самоощущение.

3. Выявление аналогии и различия с произношением в других тюркских языках.

Исследование демонстрирует, как гиперкоррекция может влиять на культурную идентичность носителей языка и их самоощущение. Стремление к «правильному» произношению может привести к отчуждению от собственного языка и культуры. При этом нарушаются фонетические нормы языка.

Сравнительный анализ произношения [г] в татарском языке с другими тюркскими языками выявит аналогии и различия, позволяя глубже понять эволюцию звуковой системы татарского языка.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки методических материалов для обучения татарскому языку, учитывающих региональные особенности произношения; повышения осведомленности о важности сохранения языковой и культурной идентичности, а также с целью проведения дальнейших исследований в области фонетики и социолингвистики татарского языка.

Таганова М.А. (к.ф.н. ИЯЛНР, г. Ашхабад, Туркменистан)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО СЛОВА ALYN [A:LYN] В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение словообразовательных гнезд всех слов словарного состава языка является одним из актуальных вопросов туркменского языкознания. Анализу подвергаются не только производные, но непроизводные слова. Это позволяет собрать достоверный материал для создания не только словообразовательного словаря, но и этимологического словаря туркменского языка. В качестве примера анализируется слова *alyn* [a:lyn] туркменского языка.

Данное слово встречается во многих тюркских языках и тюркоязычных письменных памятниках, о чём написал подробно Э.В.Севортян. В своем этимологическом словаре учёный объяснил образование данного слова от корня *ал* с помощью аффикса *-ын* в уподобительно-уменьшительном значении, выделяя такие семантические особенности этого слова, как ‘лоб, чело, физиономия, внешний вид, склон горы, напротив, противоположная сторона, верх, верхушка, груди, полные молока’. В туркменском языке из этих значений часто встречается следующие значения: *Alyn* – 1. лоб; 2. передний; *alyn diş* ‘передний зуб’.

Употреблется *alyn* и в роли служебного имени: *alnyna* ‘перед’; *alnyna geçip oturmak* ‘сесть перед *кем-л.*’; *alnynda* ‘у, перед’; *alnynda* oturmak ‘сидеть перед *кем-л.*’; *alnyndakyny* alty aý gözlär ‘*погов.* ‘Иной ищет шесть месяцев то, что у него под рукой’; *alny* açylsyn-da! ‘да будет ей счастье!’; *alnyň* açyk bolsun! ‘счастливого пути! желаю тебе удачи!’; *alnyndan* diremek ‘морально и материально поддержать *кого-л.* (*в критический момент*)’; *alnyňy* diremek ‘обратиться к *кому-л.* (*напр. за помощью*)’.

В туркменском языке *alyn* участвовал в образовании следующих слов: *alyndaňy* ‘головная повязка (у женщин)’, *alynky* ‘передний’ (*alynky hatar*

‘передний ряд’; *alynky hatar sesler* ‘лингв. звуки переднего ряда’), *alynsaç* ‘волосы надо лбом; чёлка’, *alynşaý* ‘женское налобное украшение из серебра и золота’. Из данных производных слов *alyndaňy* с помощью аффикса *-lyk* участвовал в дальнейшем словообразовательном процессе слова *alyndaňylyk* ‘материал, предназначенный для головной повязки (*у женщин*)’.

Анализ показал, что слово *alyn* входит в состав словообразовательного гнезда с корнем *al,* образуя самостоятельные парадигмы и звенья. Первая парадигма представлена словами *alyndaňy, alynky, alynsaç, alynşaý,* а вторая – *alyndaňylyk.* Слова первой парадигмы в свою очередь участвуют в образовании четырех звеньев.

Тадинова Р.А. (д.ф.н. ВУМО РФ, г. Москва)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СПОСОБАХ ПОГРЕБЕНИЯ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Лексика таких древних и средневековых языков, как караханидско-уйгурский, древнеуйгурский, среднеуйгурский и среднекыпчакский, источником которых являются письменные памятники, а также археологические и этнографические данные позволяют предположить существование у древних тюрков разных способов захоронения трупов: **küli-* ‘закапывать, хоронить’ (от **kül* ‘зола, пепел’); **jïg-* ‘хоронить’ (собств. ‘собирать кости умершего’); **köm-* ‘хоронить, погребать’.

Хронологически слово ***jïg-** более раннее. Об этом способе погребения сообщают некоторые китайские источники. Так, Бичурин приводит сведения из Синь-Таншу о том, что кыргызы обертывали тело покойника в три ряда, оплакивали и затем сжигали его; собранные же кости через год погребали. В настоящее время слово сохранилось в значении, отражающем погребение, в центрально-восточных, северо-западных и северо-восточных языках.

В караханидско-уйгурском у М. Кашгарского отмечены ***küli-** ‘закапывать, хоронить’ и ***köm-** ‘хоронить, погребать’. Фиксация слов в одном памятнике может свидетельствовать о наличии или диалектов, или разноплеменных способов погребения. Лексема ***küli-** явно образована от **kül* ‘зола, пепел’ (это слово также отражено в вышеперечисленных памятниках), поэтому отражает сам способ погребения. О реальности такого способа погребения говорят археологические и этнографические данные. Археологи говорят, что действительно, в домонгольской Южной Сибири обряды трупоположения и трупосожжения сосуществовали, а обычай сожжения (или частичного обожжения) костей умершего восходит к тагарской эпохе. В фольклоре чулымских тюрков, на периферии тюркского мира, сохранился

архаичный сюжет: обычай предписывает сжигать побежденного врага-богатыря. Лексема ***küli-** в современных тюркских языках практически не сохранилась.

Известно, что в X в. в погребально-поминальной обрядности местных кочевников произошли значительные изменения в связи с принятием ислама в качестве государственной религии в государстве Караханидов. Нельзя сказать, что именно с этого времени распространяется ингумация. Как отмечалось выше, данные археологов и памятников письменности свидетельствуют о том, что трупосожжение и трупоположение сосуществовали с древнейших времен. Просто ислам повлиял на то, что ингумация стала у тюрков повсеместной. Этот способ погребения в языке выражает слово ***köm-**, которое отмечается во многих древних и средневековых письменных памятниках, а также во многих современных тюркских языках.

Тот Ж. (к.ф.н. Институт венгерских исследований, г. Будапешт, Венгрия)

РОЛЬ ВЕНГЕРСКИХ УЧЕНЫХ В СОЗДАНИИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Многие из венгерских учёных горели желанием раскрыть родственные связи венгерского народа и венгерского языка, разгадать тайну происхождения венгров. Некоторые выбрали тюркские народы и тюркские языки как область своих исследований и завоевали признание и уважение в научных кругах в разных странах мира. В рамках краткого доклада невозможно представить их всех, поэтому мы упоминаем только тех, кто был передовым в своей области, кто внес особенно значимый вклад в тюркологию как науку, в том числе, в ее создание.

Арминия Вамбери (1832–1913) мы можем считать одним из основателей тюркологии. По оценке Дьюлы (Юлиуса) Немета, Вамбери вышел за рамки тюркологии как только изучения османско-турецкого языка, истории и культуры Османской империи. Рискуя своей жизнью, выдавая себя за дервиша, он первым из представителей европейской науки совершил путешествие по Средней Азии. Он тщательно изучал восточно-тюркские языки и литературы. Дал детальный обзор всех ветвей тюрков в своей работе «Тюркская порода в этнологическом и этнографическом отношениях» (“*A török faj etnológiai és etnográfiai tekintetben”*).

Трудную задачу создания современной османско-турецкой грамматики решил Дьюла (Юлиус) Немет (1890–1976), который в 1916 г. в Берлине и Лейпциге опубликовал «Türkische Grammatik», книгу, которую многие тюркологи до сегодняшнего дня считают одним из лучших учебников для освоения османско-турецкого языка. Мустафа Кемаль Ататюрк в боях Первой мировой войны видел это издание в карманном формате у немецких офицеров, и, по одной из версий, именно оно натолкнуло его на мысль, что турецкий язык

можно записать латинскими буквами, устраняя известные недостатки арабской письменности.

До выступления Игнаца Куноша (1860–1945) правящая элита Османской империи считала так называемый народный турецкий язык грубым и низким – в отличие от османского языка, язык народа не считался достойным предметом исследования. Мнение Игнаца Куноша было противоположным, он взялся за собирание, обработку и издание турецких фольклорных текстов. Он стал одним из основателей турецкой фольклористики, с его помощью сохранилось множество таких текстов, которые, по всей вероятности, просто исчезли бы. Он познакомил западный мир с теневым театром «Карагёз» и народным театром «Орта оюну», сверх этого он собрал огромное количество различных народных сказок и анекдотов.

Наконец, надо вспомнить Ласло Рашони (1899–1984), который не только стоял у истоков венгероведения в Анкарском Университете, но и по праву считается одной из самых выдающихся фигур турецкой и, шире, тюркской ономастики. Он всю жизнь занимался сбором и анализом тюркских ономастических данных, он обработал приблизительно 50 000 тюркских личных имён на карточках с размером 10x7 см. Его карточки содержали данные из около сорока древних и современных тюркских языков. Такая масштабная обработка данных вышла в свет под названием «Onomasticum Turcicum» только после смерти Рашони, в соавторстве с Имре Башки, на английском языке.

Учгюль С. (д.ф.н., проф. Эрджиесский университет, г. Кайсери, Турция)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЦИОНАЛЬНОГО ГИМНА ТУРЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Нами проанализирован русский перевод турецкого национального гимна – «Гимна независимости» (*İstiklal Marşı*), написанного турецким поэтом Мехметом Акифом Эрсоем (1905–1983). Гимн был официально принят 12 марта 1921 г., переведен русским поэтом Ириной Ковалевой в 2024 г. и опубликован в книге «Государственные символы Республики Турция» (Москва: Проспект, 2024). В рамках исследования рассматриваются лингвокультурные элементы, перевод которых проблематичен.

«Гимн независимости» – это поэтическое изложение непростой истории турецкого народа и яркий пример отражения его патриотизма, боевого духа и национального самосознания в десяти строфах. Национальные и религиозные ценности, отраженные в Гимне, являются основными элементами турецкой национальной идентичности и турецкого национализма. Он представляет собой одну из моделей национальных и религиозных ценностей и патриотического дискурса, который характеризуется рядом лингвокультурных особенностей и образов.

Главная тема гимна – это любовь к турецкой родине, свобода и вера, а также восхваление добродетелей надежды, преданности и самопожертвования, в стремлении к свободе. Автор гимна умело балансирует между национальными и священными ценностями, в том числе религиозными. Национальные ценности показаны через мотивы веры (понятия рая, Всевышнего, азана, экстаза и др.), изложенные в богатой, метафорической, художественно украшенной речи.

Перевод гимна на разные языки, особенно на русский, должен быть поставлен на повестку дня в рамках культурного диалога. Попытки перевода этого произведения предпринимались ранее, но не были успешными. Главная

трудность заключалась в том, что перевод выполнялся по подстрочнику переводчиком, не знающим турецкого языка. Однако подстрочник, подготовленный доктором филологических наук, специалистом по русскому языку Севинч Учгюль, содержал необходимые пояснения и синонимические варианты, что позволило максимально точно, местами практически дословно передать и смысл, и образный ряд произведения. Так как подобные тексты с характеристиками культурных инвариантов, отражающие национальную память других обществ, должны анализироваться в контексте содержащихся в них образов и аллюзий. В этом контексте важно переводить и анализировать культурные инварианты, составляющие культурное сознание «других» обществ, на русский язык. Опыт такой совместной работы переводчика и филолога, носителя турецкого языка, представляется не просто успешным, а интересным отдельного изучения.

Фомин Э.В. (к.ф.н. ЧГИКИ, г. Чебоксары)

ЧУВАШЕОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТОПОНИМЫ КАК МАРКЕР ЧЕБОКСАРСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Чебоксарский регионолект русского языка в основе основ обусловлен значительным чувашским участием. Его маркеры – определенные высокочастотные языковые единицы, присущие речи жителей г. Чебоксары и агломерации. Примечательно, что формирование особенностей русского языка в Чувашии происходит на базе его литературной формы.

Как показывают наблюдения, конкретный речевой факт не всегда может быть осмыслен в качестве частного маркера. В этом случае ряд однотипных фактов следует объединить в обобщающий маркер. Свойствами такого маркера в условиях чебоксарского регионолекта обладают, например, топонимы. С одной стороны, географические названия являют конкретные употребления *(улица А.В. Асламаса, Берендеевский лес, село Вурманкасы, поселок Кугеси, город Новочебоксарск, река Чебоксарка),* которые чаще всего избыточно признавать частными маркерами вследствие их бесчисленного множества, с другой – топонимы можно квалифицировать в качестве общего специфичного признака регионолекта.

Топонимия Чебоксар и Причебоксарья, сочетающая в себе древнемарийское, чувашское, татарское и русское наследие, придает речи местных жителей неповторимое лексическое звучание. Она не зависит от желания говорящего – топонимы в конкретных условиях диктуются исторически устоявшейся номенклатурой названий.

Из всех видов топонимии особо значимыми следует признать ойконимы, которые на фоне названий населенных пунктов на других языках обладают крайней степенью выразительности.

Специфичная ойконимия Чувашии присутствует в речи чебоксарцев как постоянный фон хотя бы потому, что Чебоксары являются городом, жители которого сохраняют тесную связь с чувашским селом. Кроме того, столица республики, естественным образом формируя агломерацию с маятниковой миграцией, притягивает к себе людей из близлежащих селений.

Чиврикова А.В. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ПОПЫТКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРЕЙМА ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы интеллектуальной деятельности являются одним из важнейших классов в любом языке, так как ментальная сфера народа отражает его духовный мир и сознание. Данным фактом можно объяснить постоянный интерес к изучению глаголов данной лексико-семантической группы. Принимая во внимание положение, что точное лексическое значение слова, а тем более глагола, может быть выявлено в большей степени благодаря анализу его сочетаемости с актантами или сирконстантами, становится очевидным важность определения объекта данных глаголов. Если же описывать объект с точки зрения когнитивной лингвистики, используя понятие «фрейм», можно прийти к определенным важным заключениям.

Надо отметить, что среди приверженцев когнитивной лингвистики нет общего мнения о понятии «фрейм». Чаще всего его соотносят с определенной вербальной структурой, обозначают как смысловой каркас стереотипной (т.е. заданной определенным набором компонентов, способным идентифицировать именно её) ситуации или понятия. Примерами могут служить «фрейм обещания», «фрейм проверки билетов» и т.д. Таким образом, фреймы организуют наше понимание мира в целом, соответственно и повседневное поведение.

Применение фрейма для определения объектов глаголов интеллектуальной деятельности в турецком языке приводит к выводу о том, что данные глаголы можно различать в том числе и по признаку включенности/невключенности в ситуацию. Последний критерий можно также назвать экзистенциальным, так как объект рассматривается только с точки зрения факта своего существования. Следует отметить, что, говоря об

объекте, подразумевается только имя существительное, а не конструкция с предикативным актантом.

Таким образом, глаголы интеллектуальной деятельности можно разделить на две большие группы в соотвествии с семантическим типом объекта. В первую группу входят глаголы, объект которых обязательно включен в ситуацию (*düşünmek, bilmek, kavramak, anlamak, unutmak, hatırlamak* и т.д.), а вторую составляют глаголы, объект которых в ситуацию не включен (*sanmak, tanımak, bulmak, zannetmek* и т.д.).

Распределение глаголов подобным образом приводит исследование еще к одному выводу: глаголы 1-й группы полностью отражают последовательность процессов когнитивной деятельности, которая приводит к пониманию чего-либо. А глаголы 2-й группы отражают такие процессы когнитивной деятельности, которые оперируют уже имеющимися образами или понятиями.

Экба З.Н. (к.ф.н. ИЯ РАН, г. Москва)

НАЗВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ И АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Тесная взаимосвязь антропонимической системы древних тюрков с явлениями природы стала предметом исследвания в IV и VI томах коллективной работы «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», где на основе обширных фольклорных, мифологических и других культурологических материалов была представлена реконструкция антропонимической системы пратюркского этноса и лингвистическая характеристика ее семантической структуры как отражения отдельных элементов общей картины мира. Авторами была предложена развернутая система взаимосвязей антропонимической системы с религиозными языческими представлениями древнего человека о мире.

В частности, на основе анализа антропонимов исконного происхождения было установлено, что в его составе высокую репрезентативность имеет так называемый «блок непогоды», так как плохая погода, которую в силу климатических особенностей связывали в первую очередь с различными атмосферными явлениями, создавала ряд трудностей для бесстойлового разведения скота как основополагающего и жизненно важного занятия древнетюркского этноса. Понятия хорошей погоды в исконной тюркской антропонимической системе отражены в значительно меньшей степени.

В ходе нашей работы исследованы личные имена арабо-персидскиого происхождения, получившие свое развитие от заимствованных названий явлений неживой природы и объектов ландшафта. Было установлено, что в отличие от исконных собственных имен, которые в большинстве своем несут в себе отрицательную коннотацию, практически все имена арабо-персидского происхождения этой лексико-тематической группы имеют в тюркских языках положительную коннотацию. В докладе будет представлена подробная классификация данной группы антропонимов в тюркских языках и сделаны выводы о причинах такого различия.

Юсупова А.Ш. (д.ф.н. КФУ, г. Казань)

И.А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И КАЗАНСКАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Уроженец Польши, из старинного французского аристократического рода, ведущего начало от Людовика VI, И.А. Бодуэн де Куртенэ был блестящим теоретиком общего и сравнительно-исторического языкознания, знаменитостью мирового класса, ярчайшим педагогом, крупнейшим полиглотом (знал около 90 языков), основоположником славянской филологии и психолингвистики. Он учился в Варшавском, Карловом, Берлинском и Йенском университетах. Впоследствии его лекции слышали стены Петербургского, Казанского, Дерптского, Краковского, Варшавского и других университетов.

Особенен его казанский период (1875–1883). С 1875 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ – доцент кафедры сравнительного индоевропейского языковедения Казанского университета. Именно в Казанском университете в 1875 г. он защищает докторскую диссертацию, удостоенную Уваровской премии. В 1876 г. его утверждают экстраординарным профессором, а в 1877 г. – ординарным профессором кафедры сравнительного языковедения. В 1876–1880 гг. И.А. Бодуэн де Куртенэ преподает русский язык и славянские наречия в Казанской духовной академии. По его же представлению в университете вводится преподавание татарского языка. В этот период татарский язык в Казанском университете преподавал Н. Ильминский.

В Казанском университете профессор проявил себя и как активный общественный деятель. И.А. Бодуэн де Куртенэ был одним из учредителей в Казани Общества археологии, истории и этнографии, целью которого было изучение истории Болгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского ханств, территории Сибири и Средней Азии, а также вопросы всеобщей истории. Но главной целью Общества археологии, истории и этнографии оставалось

изучение Казанского края и Восточной России в целом. На заседаниях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете неоднократно выступал татарский мусульманский богослов, просветитель, также известный этнограф, археограф, востоковед и педагог Ш. Марджани. Проводилось сравнение произведений устного творчества разных народов. В этом направлении работали тюркологи Н.И. Ашмарин, Н.Ф. Катанов, К. Насыри и др. Труды членов общества публиковались на страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». И.А. Бодуэн де Куртенэ давал рецензии трудам В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, поступившим в редакцию журнала.

И.А.Бодуэн де Куртенэ проявлял большую заботу о комплектовании библиотеки. Под его руководством были изданы фундаментальные печатные каталоги библиотеки, он подарил ей свое рукописное и книжное собрание.

К моменту приезда И.А. Бодуэна де Куртенэ в Казань восточный разряд был переведен в Санкт-Петербург, много востоковедов, тюркологов вынуждены были переехать или уйти из университета. Тем не менее, в Казани жили и творили знаменитые в то время тюркологи-татароведы, просветители, которые по воле счастливой судьбы оказались в окружении И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Yağcı G. (Moskova Yunus Emre Enstitüsü, Ankara, Türkiye)

RUSLARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE DEYİM VE ATASÖZLERİNİN ÖNEMİ, ÖĞRETİM YÖNTEM VE TEKNİKLERİ "DİLLİ DÜDÜK" ŞARKISI ÖRNEĞİ

Yabancılara Türkçe öğretimi alanı içerisinde birçok yöntem ve tekniği barındırmaktadır. Bu yöntem ve teknikler 4 temel beceriyi "Okuma, yazma, dinleme, konuşma" aynı düzeyde geliştirmeyi esas alır. Bu esas çerçevesinde hazırlanmış olan Avrupa Dil Portfolyosu Çerçeve Metni de dünyaca geçerli bir sistemidir. Bilindiği üzere Avrupa Dil Portfolyosu, Avrupa Konseyi tarafından geliştirilen bir araçtır ve dil becerilerini belgelemek için kullanılır. Bu portfolyo, dil öğrenme ve öğretme sürecindeki bireylerin kendi dil becerilerini değerlendirmelerine yardımcı olarak dil öğrenme hedeflerini belirlemek, dil becerilerini sergilemek ve ilerlemeyi takip etmek için kullanılır. Bu beceriler arasında dinleme, okuma, konuşma, yazma ve dil bilgisi yer alır. Avrupa Dil Portfolyosu, bu becerilerin her birinin seviyesini belirlemek için altı aşamalı bir ölçek kullanır: A1, A2, B1, B2, C1 ve C2. Bu seviyeler dil seviyelerinin göstergesidir. Bu seviyelerin öğretiminin her aşamasında farklı kazanımlar ve bu kazanımlara yönelik metodolojik çalışmalar vardır. Bunlardan biri de kalıp ifadelerin öğretimidir.

Kalıp ifadelerin başlıcalarını deyim ve atasözleri oluşturmaktadır. Türkçe de diğer diller gibi kalıp ifadeler, deyim ve atasözleri bakımından çok zengindir. Deyim ve atasözleri bir milletin kültür kodlarını, değer yargılarını duygu ve düşüncelerini zamansal döngüye ve değişime takılmadan günümüze taşıyan ve nesilden nesle aktaran önemli bir kültürel mirastır. Yabancılara Türkçe Öğretimi bağlamında Ruslara Türkçe öğretimi özelinde de kalıp ifade, atasözü ve deyimlerden de sıklıkla yararlanılmaktadır. Dilbilgisi kuralları ve anlam derinliklerine göre her seviyeye uygun atasözü ve deyim tespit edilerek ders müfredatına ve kazanımlara eklenebilir. Bahse konu atasözü ve deyimler üzerinden dilbilgisi kuralları ve kullanımları

öğretilebileceği gibi Türklerin yaşayışı, hayata dair bakış açıları, sorun çözme teknikleri ve buna benzer birçok özellikleri hakkında da bilgi paylaşılabilir. Deyim ve Atasözleri de tıpkı bir dilin yabancı dil olarak öğretilmesi durumundaki gibi dilde en az çaba esasına yani az sözle çok şey öğretmeyi amaçlar. Az sözle çok şeyin söylenebilmesi söyleyenin dilin inceliklerine hâkim olduğunu gösterdiği gibi sözün ve durumun anlamsal derinliklerine haiz olunduğu konusunda da ipucudur.

Bu doğrultuda hazırlanmış olan bu makalede Türkiye'nin dünyaca ünlü şarkıcısı Tarkan'ın seslendirmiş olduğu bir şarkı ve onun içerisinde bulunan yaklaşık 40 adet deyim ve atasözünün Ruslara Türkçe öğretiminde nasıl kullanıldığı hakkında bilgiler verilecektir; bahse konu deyim ve atasözleri A1 seviyesinden C1 seviyesine kadar dilbilgisel ve anlamsal zorluklarına göre sınıf içi uygulamalarda kullanılmıştır. Bunun yanı sıra bu deyim ve atasözlerinin Rusça karşılıklarının tespiti benzerlik ve farklılıkları da ortaya konulacaktır. Örneğin şarkının da adını taşıyan "Dilli Düdük" ifadesi Rusçadaki benzeri olan "Болтун" yani çok konuşan geveze insan olarak ilişkilendirilebilir bir diğer örnek olarak ise "burnu kaf dağında olmak (Kibirli davranışlarda bulunmak, kimseyi beğenmemek; Rusça karşılığı olarak "быть слишком высокого мнения о себе") verilebilir. Özette sadece birkaç örneği verilen deyim ve atasözleri ile Türkçe öğretim modeli işbu bildiride Rus öğrencilere Türkçe öğretimi kapsamında detaylı şekilde ortaya konulacaktır.

Yalçınkaya S. (Öğr. Gör. Hacettepe Üniversitesi, Ankara, Türkiye)

TÜRKÇEDEKİ ALINTI KELİMELERİN ANLAM DEĞİŞİKLİKLERİ VE ÜST ANLAM İLİŞKİLERİ

Büyük Dil Modelleri (BDM), son yıllarda yapay zeka ve doğal dil işleme (DDİ) alanında büyük ilerlemelere olanak tanıyan teknolojik araçlar haline gelmiştir. Bu modeller, geniş veri setlerinden öğrenerek dildeki anlam ilişkilerini, bağlamsal kullanımları ve dil yapısını derinlemesine analiz edebilme kapasitesine sahiptir. BDM'ler, özellikle dilin semantik yapısını çözümlemede ve kelimeler arasındaki ilişkileri anlamlandırmada büyük bir potansiyel sunar. Bu modeller, kelimelerin anlamlarını bağlama göre esnek bir şekilde belirleyebilmekte ve dildeki anlam değişimlerini tespit edebilmekte oldukça başarılıdır. Bu çalışma, BDM'lerin bu potansiyelini kullanarak Türkçeye yabancı dillerden geçen kelimelerin anlam değişikliklerini ve bu kelimelerin Türkçedeki üst anlam ilişkilerini analiz etmeyi amaçlamaktadır.

Bu çalışmanın amacı, yabancı dillerden Türkçeye geçmiş kelimelerin anlamlarında yaşanan değişimleri ve bu kelimelerin Türkçedeki üst anlam (hipernim) ilişkilerini analiz etmektir. Türkçenin tarihsel süreçte çeşitli dillerle temas halinde olması, dilimize pek çok yabancı kökenli kelimenin geçmesine zemin hazırlamıştır. Arapça, Farsça, Fransızca ve İngilizce gibi dillerden alınan bu kelimeler, zamanla kendi kültürel bağlamlarından uzaklaşarak Türkçede yeni anlamlar kazanmış, hatta bazı durumlarda üst anlamlar (hiponim-hiperonim ilişkileri) oluşturarak dilin yapısına farklı katmanlar eklemiştir. Bu tür anlam değişikliklerinin ve ilişkilerinin incelenmesi, yalnızca dilbilimsel açıdan değil, aynı zamanda BDM gibi yapay zeka sistemleri açısından da önem taşımaktadır. Büyük dil modelleri, çok geniş veri kümeleri üzerinden dilin yapısını, anlam değişimlerini ve üst anlam ilişkilerini öğrenebilmekte, böylece metin anlama, özetleme ve makine çevirisi gibi birçok DDİ görevinde önemli bir potansiyel sergilemektedir. Bu bağlamda, yabancı dillerden Türkçeye geçen kelimelerin anlam değişiklikleri ve bu kelimelerin büyük dil modelleri tarafından nasıl temsil edildikleri, dilin evrimi ile

yapay zekâ arasındaki etkileşimi de anlamak açısından kritik bir araştırma alanı sunmaktadır.

Çalışma kapsamında, öncelikle yabancı dillerden Türkçeye geçmiş kelimelerin bir veri seti oluşturulacak ve bu kelimelerin anlam değişimleri analiz edilecektir. Bu süreçte anlam genişlemesi, daralması ve kayma gibi semantik değişiklikler tespit edilecek, kelimelerin bağlamsal kullanımları üzerinden anlam ilişkileri değerlendirilecektir. BDM kullanılarak yapılan bu analizde, modelin sağladığı olasılık skorları, alternatif etiketler ve bağlamsal kelime vektörleri kullanılarak anlam değişimlerinin güvenirliği ve geçerliliği üzerine kapsamlı bir değerlendirme yapılacaktır.

Bu çalışmanın Türkçenin diğer dillerle olan ilişkilerinden kaynaklanan anlam zenginleşmelerini ve dönüşümlerini ortaya koyması hedeflenmektedir. Ayrıca, bu çalışma Türkçe sözlükçülük alanına katkıda bulunarak, kelimelerin anlam ilişkilerinin daha detaylı bir şekilde ele alınmasını sağlamayı amaçlamaktadır. Sunulacak bu bildiride, kelimelerin anlam değişimlerini destekleyen örnekler ve bu kelimelerin Türkçedeki semantik katmanları detaylı bir şekilde ele alınacaktır.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Arslan H. (Dr. Millî Eğitim Bakanlığı
Din Öğretimi Genel Müdürlüğü, Ankara, Türkiye)

DİVAN GÜZELİ AĞ ANALİZİ

Ağ analizi, edebiyat sosyolojisi alanında son zamanlarda kullanılan bir yöntem olarak dikkat çekmektedir. Edebiyat tarihçileri ve araştırmacıları yazarların mektuplaşmalarını, tashihlerini, sanatçıların birbiriyle ve toplumla bağlantı kurdukları mekânları, yayınevlerini, edebiyat eserlerinin basımı ve dağıtımını, okuyucuya ulaşmasını, edebiyat dünyasının temalarını ve evrenini araştırmak için ağ analizi yöntemine başvurmaktadır. Ağ analizi; gönüllü yakınlıkları, gayrı resmî ilişki ağlarını, mikro çevre olarak nitelenen bir süreli yayın etrafındaki kümeleşmeleri de içine almaktadır. Ağ analizinde edebiyat dünyasının muhtelif ilişki tiplerine de yer verilebilir. Bu incelemede Divan şiirindeki âşık-maşûk ve rakîb yapısı ağ analizindeki muhtelif ilişki tipi bağlamından hareketle değerlendirilmeye tabi tutulacaktır. Gisele Sapiro'nun Edebiyat Sosyolojisi başlıklı çalışmasında dikkatlere sunduğu ağ analizi yönteminde: ilişkilerin yapısının kavranması ve tanınmışlığın ölçülmesi bağlamında Divan güzelinin âşık ve rakîb ile olan ilişkisinin ölçüsü ortaya konulacaktır.

Ağ analizi edebiyat sosyolojisi için verimli bir yöntem olarak değerlendirilir. Edebiyatta grupların ya da makamların ilişkilerinin yapısını merkez-çevre ilişkisi ve hiyerarşikleşme açısından inceleme imkânı sunan ağ analizi, edebi ekollerin incelenmesine ve bireyler arasındaki bağlantıların yapılarına da izin verir. Edebiyat ağı tipleri açıklık ya da kapalılık dereceleri, süreklilikleri, süreli yayınların manifestoları ve kurumsallaşma derecelerine göre farklılaşabilir. Ağ analizi bu farklı yapıları kendi aralarında ilişkilendirmeye de tabi tutar. Biz bu çalışmada âşık-maşûk-rakîb

bağlantılarını incelemeye tabi tutarak Divan güzelinin ağ analizi etkileşimlerini modellendirmeye çalıştık. Bu noktadan hareketle Divan şairlerinin bir tipleme olarak Divan güzelinin niteliklerini şiirlerine yansıtmalarının örneklerini de vererek bütünlüklü bir şekilde yeni bir bakış açısıyla konuyu ele aldık.

Divan güzeline ağ analizi yöntemiyle bakıldığında Divan güzelinin âşık ile rakîb arasında bir konumda olduğu görülür. Âşık, maşûku her zaman rakîbten kıskanır. Sadece rakîbten değil, ona dokunabilecek her şeyden elbisesinin yakasından, sabah rüzgârından, zülfünün bir telinin alnına değmesinden de kıskanır. Aslında bu kadar kıskandığı maşukuna, âşık kavuşmak istemez. Çünkü âşığa göre vuslat gerçekleşirse aşk biter. Aşk bitince de çıkılan aşk yolunda tekâmüle erişilemez ve gerçek sevgiliye ulaşılamaz. Aşk yolunda çekilen gam âşığı besleyen, geliştiren ve tekâmüle ulaştıran bir vasıtadır. Bu yüzden maşûk, âşığına eziyet edip acı çektirerek aşkın olgunlaşmasını ister. Çünkü aşkta tekâmülün gerçekleşmesi için bu ıstırap çekilmelidir. O zaman ancak gerçek sevgiliye vuslat mümkün olur.

Divan şiirinde maşûk gül, âşık bülbül, diken de rakîb ile sembolize edilir. Aynı zamanda mâşuk, aşk mülkünün güneşi ve sultanıdır. Maşûkun sahip olduğu fizikî güzellik unsurları esas alındığında sevgilinin güzelliğini ifade etmek için mazmunlara sıkça başvurulur. Sevgilinin boyu elifi, serviyi, sanavberi, ar'arı, nihali ve fidanı; siyah, uzun, dağınık saçları sümbülü çağrıştırır. Gözleri nergis, cadu, bakışı fettan, mestane, afet ve şehladır. Kirpikleri öldürücü ve yaralayıcı birer ok, alnı parlaklığıyla bir aydır. Hilâle, kemana, mihraba benzeyen, can alıcı özelliği olan kaşı ve âşığın gönlünde güneş gibi açan berg-i güle benzeyen yüzü, Divan güzelinin öne çıkan nitelikleridir.

Klâsik Türk edebiyatının güzeli soyut ve idealize edilmiş bir güzeldir. Bu idealize edilmiş güzelin benzer vasıfları geleneğe uygun olarak farklı şairlerce kendilerine has bir üslûpla işlenmiştir. Her şair eserinde şairlik gücünü göstererek bu çerçevede toplumda ve edebiyat sahasında yer edinmeye çalışmıştır. Bu çalışmada Divan güzelinin fiziki, ruhsal nitelikleri ve bağlantıları ağ analizi yöntemine göre incelenecektir.

Баймурадова А.С. (к.и.н. ИМО МИД Туркменистана,
г. Ашхабад, Туркменистан)

КОШМОВАЛЯНИЕ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кошмоваляние – древнее ремесло тюркских народов. В Центральной Азии тюркские народы, такие как туркмены, казахи, киргизы, узбеки использовали войлочные изделия в своей повседневной жизни. Исторические источники подтверждают, что изделия из войлока с древнейших времен играли важную роль в быту тюркских племен. Войлок широко использовался для покрытия юрты, прикрытие дверей белых юрт, кошма служила в качестве подстилки и войлоком покрывали сундуки. Тюрки изготавливали войлочные бурки, накидки, большие сумки – хорджуны для хранения предметов домашнего обихода, мешки для хранения остроконечных и хрупких предметов, головные уборы, попоны, потники для лошадей, также мягкую кошму подкладывали под седла. Даже при строительстве дома, чтобы влага не проникала через фундамент, его покрывали войлоком, камышом и рогозом. Поэтому производство войлока имело широкий масштаб, и этим ремеслом занималась каждая семья.

Целью предпринятого исследования является выявление особенностей изготовления войлочных изделий у тюркских народов Центральной Азии. Тюркские племена использовали три основные древние традиции изготовления узорчатой кошмы. Именно поэтому туркменские, узбекские, казахские и киргизские кошмы отличаются друг от друга. Но у них есть и сходства. В этнографии изучение декоративно-прикладного искусство дает возможность глубоко исследовать быт, духовные ценности, менталитет, культуру, этнические и культурные связи народов. Кошмоваляние и есть то ремесло, где тюркские племена выразили свои национальные особенности и мировоззрение.

Вдовин С.С. (ИВ РАН, г. Москва)

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ВОЗВЕЛИЧИВАНИЯ В ХОРЕЗМСКОЙ ХРОНИКЕ «РАЙСКИЙ САД ПРЕУСПЕЯНИЯ»

«Райский сад преуспеяния» (*Firdavs al-iqbol*)[3] – хроника, написанная на чагатайском языке в Хорезме в первой половине XIX в. двумя хивинскими придворными – Шер-Мухаммадом Мунисом (1778–1829) и Мухаммадом-Ризой Агахи (1809–1874). Она была создана по заказу государей династии Кунгратов, воцарившейся в Хивинском ханстве в 1804 г. Произведение излагало события вплоть до 1825 г. с точки зрения нового правящего дома, представители которого изображались в хронике в правильном и выгодном для них свете.

Не будучи чингизидами, узбеки-кунграты нуждались в легитимации собственной власти и обосновании права на престол. Одним из инструментов, в связи с этим, стал символический престиж монархии. Он обеспечивался, в том числе, благодаря сотворению Мунисом и Агахи на страницах «Райского сада преуспеяния» в глазах хивинских подданных желанного образа молодой династии.

Излюбленным приемом возвеличивания ханов-кунгратов стало их сравнение авторами хроники с легендарными и мифическими царями и персонажами иранского эпоса, воспринимавшегося хорезмскими современниками сквозь призму поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Примером этому служит эпизод схватки Мухаммад-Рахим-хана I (1806–1825 гг.) с туркменами в бою, где количество воинов противника превышало численность хивинского войска в несколько раз. Так, он столь искусно пользовался мечом, что «Рустам и Исфандияр кусали бы пальцы от

[3] Название произведения и другие слова на чагатайском языке приводятся в современной узбекской (латинизированной) орфографии.

изумления», и «пролил столько крови врагов своим копьем, что гордился бы подобный слону Нариман».

Возвеличиванию подлежат и враги Кунгратов, однако с той же целью: превознести самих хорезмских ханов, подчеркнув ценность их победы над противниками. В частности, в сражении хивинцев с бухарцами в 1806 г. Мухаммад-Рахим вступил в бой с одним из бухарских эмиров Махмудом-Ходжой. Бухарец, при этом, «превзошел мужеством и отвагой Рустам-и Дастана и Сам-и Наримана», а победоносного Мухаммад-Рахима авторы хроники уподобили здесь Бахраму, сыну Йездигерда (420–440 гг.) – шаханшаху Ирана из династии Сасанидов.

Величием и важностью в «Райских садах преуспеяния» обладают и те или иные предметы, составляющие царское достоинство хивинских правителей. Например, Эльтузар (1804–1806 гг.) – первый хорезмский хан из числа Кунгратов – при восхождении на престол возлагает себе на голову не простую корону, а «венец Кей-Хосрова» – легендарного царя Ирана, представляющего образ идеального и справедливого правителя (*Boshiga qo`yib toji Kayxusrav*).

В сравнениях с хивинскими правителями и их приближенными в хронике присутствуют также фигуры коранические и исламские. Так, Мухаммад-Рахим именуется «подобным Соломону на троне миродержавия», «великодушным, подобно Умару» и «милосердным, подобно Али». Отдельного внимания заслуживает его же уподобление Исе Масиху, когда хан приходит на помощь к своему сраженному и окруженному врагами подданному и вдыхает «в его мертвое тело новую жизнь, ободряет его отчаявшуюся душу».

В добавление к персоналиям как таковым, Мунис и Агахи активно использовали астрономические объекты для превозношения хивинских государей начала XIX в. и их подданных. Мухаммад-Рахим в изображении авторов хроник отличался «величием, подобно Плеядам, и рангом, подобно солнцу», «качества его, были как у Меркурия, а лик – как у Луны».

Столь достойным и возвышенным властителям надлежало иметь и соответствующего характера войско и предводителей, поэтому сборщики ханского войска были «могущественные и величественные, словно Марс» (*Bahromshukuh tavochilar*), а хорезмская рать – «многочисленна, слово Плеяды» (*Parvindek mujtama*) и способна «рассеяться, словно Большой ковш» (*Banot un-na'sh*).

Вдовина А.О. (КФУ, г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ КИНОАДАПТАЦИИ ПРИЕМОВ САТИРИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА: НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЗИЗА НЕСИНА «ЯШАР И ЖИВ, И МЕРТВ»

Сатира понимается разными исследователями как жанр художественного произведения, как особый приём либо особенность комедийного повествования. Её основная функция – обличать отрицательные явления действительности, указывать на злободневность определенных социальных, политических и др. проблем. В основе сатирического произведения лежит особое отношение к действительности: комедийное. Однако, в сатире оно доведено до крайней формы критики. Поэтому большинство сатирических произведений содержат приёмы утрирования действительности: гиперболу, литоту, карикатуру, гротеск и др.

Азиз Несин, являясь одним из самых ярких турецких сатириков XX века, в своих произведениях использует эти приёмы для комического отражения современного ему состояния общества. Объектами его высмеивания чаще всего становятся бюрократы, политические демагоги и люди, неспособные адаптироваться под быстро развивающийся мир. Эти проблемы, описанные им с помощью сатирического инструментария, остаются близкими и понятными турецкой аудитории. Поэтому его произведения оказались выгодным материалом для экранизации.

1960–70-е гг. можно считать расцветом турецкого кинематографа: в это время появляются комедийные картины, определяющие эпоху и формирующие сильные культурные коды. Экранизированные произведения Азиза Несина «Яшар и жив, и мёртв» (тур. «Yaşar Ne Yaşar Ne Yaşamaz»), «Зюбук» (тур. «Zübük»), «Король футбола» (тур. «Gol Kralı») входят в число таких картин.

Роман «Яшар и жив, и мертв» был опубликован в 1977 году, а соответствующий фильм был выпущен в 1974 году. Азиз Несин, также принимавший роль в его создании, написал сценарий по неоконченному роману, что делает его изучение ещё более важным в рамках указанной нами проблемы. Обе интерпретации истории Яшара пользовались популярностью турецкой общественности. В таких условиях проблема переноса приёмов сатирического произведения из одного вида искусства в другое заслуживает особого внимания.

Мы отобрали те сатирические приёмы романа, которые нашли своё отражение в фильме и провели их анализ. Безусловно, экранизации литературных произведений обладают некоторыми преимуществами: например, аудиовизуальные эффекты. Но есть и некоторые ограничения, не позволяющие полностью передать все нюансы литературного повествования: тайминг, финансовые возможности и конкретный запрос кинокомпании. Эти факторы влияют на адаптацию приёмов. Например, если сцена бюрократического колеса в книге передана множеством отрывочных абсурдных разговоров, то фильм структурирует их добавлением в сцену винтовой лестницы, по которой бегают просители в надежде найти нужного сотрудника. С другой стороны, описания отдельных бюрократов в книге доведены чуть ли не до гротеска, который сложно было бы передать, даже обладая современным графическим инструментарием. Такие приёмы выглядели бы неестественно в кино, но передают яркое воображение главного героя (на тот момент ребёнка) в книге.

Сатирические приёмы в зависимости от вышеуказанных факторов могут оставаться неизменными при переносе, дополняться приёмами присущими конкретному виду искусства или полностью менять свои структурные элементы.

Гаджиева А.А. (к.ф.н. МГИМО (у) МИД РФ, г. Москва)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «КОЗЫ КОРПЕШ – БАЯН СУЛУ»

Как известно, в лиро-эпических произведениях повествуется о любви и приключениях главных героев. В них содержатся условности, мотивы и архетипы, определяющие суть и природу основных событий эпоса. В «Козы Корпеш – Баян сулу» главный герой в поисках своей возлюбленной отправляется в опасное путешествие, в котором ему предстоит преодолеть различные преграды и испытания. В эпосе эпизодически появляются сказочные и мифологические персонажи, оказывающие помощь главным героям. Например, когда Козы, потеряв всякую надежду найти Баян, блуждает по безлюдному пространству, навстречу выходит старуха-предсказательница (*сәуегей кемпір*), которая указывает ему путь и советует переодеться в простую одежду.

В казахских волшебных сказках и эпосах встречаются мифические старухи, имена которых состоят из сочетаний двух слов: *жалмауыз кемпір* (‘пожирающая старуха’); *мыстан кемпір* (‘старуха-демоница’); *жәдігөй кемпір* (‘старуха-волшебница’) и т.д. Такое разнообразие наименований указывает на то, что в этом образе синкретически слились по меньшей мере два или несколько мифологических образа. В большинстве случаев этот персонаж является олицетворением зла, но иногда, как и в исследуемом нами эпосе, они выступают в роли помощников.

Очень часто эпический герой наделен отличительными чертами различных мифологических образов. Одной из таких черт является золотой хохолок – *алтын айдар*, которым обладал и Козы. По верованиям древних тюрок, в волосах содержалась магическая сила. С другой стороны, айдар – знак хорошего происхождения, символ мужества и бесстрашия. Насильно лишить айдара было равносильно лишению знатного происхождения и

положения в обществе. Так, в казахских героических эпосах встречается выражение *тұлымдысын тұл қылды, айдарлысын құл қылды* (*досл.* ‘у той, что была с косой, отрезали косу; у того, что был с хохолком, отрезали хохолок’) - ‘враг сделал джигитов рабами, а девушек – рабынями’.

Особое место в эпосе занимает растительная мифологема – Шоқтерек, Дерево жизни, известное также под названием Байтерек (‘тополь’; *перен.* ‘опора; защитник; кров; убежище’). В эпосе Шоқтерек является одним из центральных элементов развития сюжета. В текстах поэмы это романтическое место встреч влюбленных. В то же время Шоқтерек служит для Козы убежищем. Здесь, переодевшись в Тазшу, он закапывает свою одежду и снаряжение. Иногда к Шоқтерек прилетает говорящий воробей и приносит известия от Баян. В финале эпоса Козы, уснувший непробудным сном под Шоқтерек, погибает от рук Кодара.

Через Шоқтерек Баян просит Всевышнего воскресить Козы и приносит в жертву бело-сивого коня. Так, в один из дней к плачущей и убитой горем Баян приходит святой Баба Туклес и просит ее рассказать о своей печали. Выслушав ее, святой спрашивает, чего же она желает? Баян просит воскресить Козы и дать ему семь месяцев жизни. Известно, что «семь» является значимым этнокультурным элементом в традициях многих народов мира. Для казахов число «семь» является сакральным. В народе сохранились выражения «Если до седьмого колена не узнаешь своей родословной – сиротой прослывешь»; «Пока ребенок не достигнет семилетнего возраста, ему постоянно достается от земли»; «Стремись изучить язык семи народов и семь разных наук»; «под семью слоями земли» (‘о недоступном, труднодоступном’); «за семью холмами» (‘слишком далеко’) и т.д. В соответствии с мифологическими, религиозными и бытовыми представлениями казахов, понятие «семь» приобрело различные значения. По мусульманским верованиям, «семь» – символ завершенности и полноты. Так, в обрядах семикратного прохождения между Сафой и Марфой во время Умры и Хаджа и побивания семью камнями

шайтана, а также в концепции семи небес число «семь» означает предельную меру и завершённость.

Как повествуется в эпосе, после воскрешения Козы объездил все части света и прожил счастливую жизнь со своей Баян. Жизнь Козы обрывается под эпическим топонимом Шоқтерек. Вместе с ним умирает и Баян. На месте захоронения влюблённых вырастают два байтерека.

Макаров С.С. (к.ф.н. ИМЛИ РАН, г. Москва)

«ОЛОНХО» А. УВАРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЯКУТСКОГО ЭПОСА

В докладе рассматривается один из первых опытов фиксации сюжетов якутского героического эпоса – «Олонхо» А.Я. Уваровского (выполнен в 1847 г. в Петербурге и опубликован в качестве иллюстративного материала к труду О.Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten»). Данный источник представляет большой интерес как наиболее ранняя письменная рефлексия по поводу устного по своей природе текста якутского эпоса, выполненная носителем традиции.

Исследование источника в контексте устной традиции олонхо выявляет некоторые локально-ограниченные стереотипные выражения якутского эпоса, а также дает возможность на конкретном примере рассмотреть новаторства, возникающие при встрече устного жанра с письменной фиксацией.

Содержательно вариант Уваровского весьма сильно схож с сюжетом олонхо, записанном несколькими годами ранее А.Ф. Миддендорфом (1844). Значительные параллели между текстами отмечаются на всем протяжении эпизодов сборов героя в путь и его сватовства в стране других людей, чего нельзя вполне сказать о других сюжетах об Эр Соготохе. В повествованиях совпадают все основные сюжетные ситуации, персонажи и их функции: действия героя при седлании коня и приготовлении снаряжения, его прибытие в страну невесты и столкновение с чудовищным антагонистом, претендующим на руку невесты, значительная часть действий старухи-служанки *симэхсин*. Отличия касаются лишь второго сюжетного хода с подменой невесты, имеющейся в записи Миддендорфа, а также дополнительного испытания героя с укрощением демонического коня (в «Олонхо» они отсутствуют). Нам не известны другие записи якутского эпоса, включающие обе эти темы в столь близкой реализации.

Анализ данных словесных формул в широком словесно-формульном контексте жанра олонхо, в первую очередь, демонстрирует на количественных данных большую степень их традиционности, о чем по своим читательским ощущениям писали уже первые публикаторы и исследователи анализируемой записи О.Н. Бётлингк, И.В. Пухов и др. Традиционность эта в первой самозаписи якутского эпоса одновременно сочетается с присутствием локальных форм, не встречающихся, как следует предположить, в рамках одного текста в стандартной ситуации — когда сказитель не покидает в течение жизни пределы определенного фольклорного ареала.

Исходя их данных анализа круга стереотипных выражений, достаточно уверенно можно говорить о том, что актуальными при создании первой самозаписи якутского эпоса стали дискурсивные (формульно-словесные) формы центрально-якутской традиции олонхо. Несомненно, как показывает материал, текст имеет и некоторые более «северные» элементы.

Уникальность этой записи видится в том, что она, своеобразно следуя биографическому пути своего создателя, отразила на различных своих уровнях (композиции, сюжете, выборе лексических средств изложения) черты сразу нескольких локальных традиций олонхо, в определенном смысле приблизившись к модели «сводного текста» якутского эпоса, попытки создания которого начнутся при совершенно иных обстоятельствах столетие спустя.

Мугтасимова Г.Р. (к.ф.н. ИФМК КФУ, г. Казань)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Известно несколько лексико-семантических групп, имеющих особое значение в отражении менталитета народа. К одной из них относится лексика, связанная с семьей, лексика родственных отношений. В семейной традиции татарского народа брак трактуется как семейные отношения между мужчиной и женщиной. Татары называют женатого человека *ир*, замужнюю женщину – *хатын*. На протяжении развития семейно-брачных традиций в татарском народе сложились стереотипные образы супругов. В пословицах они формируются в соответствии с менталитетом, психологией, особенностями быта и образа жизни народа.

В татарских пословицах зафиксированы также сведения и о некоторых старых формах брака. Это многоженство. Несмотря на законы шариата, многоженство у татар было мало распространено. Двоежёнство было не свойственно татарам, проживающим в деревне, однако встречалось. Нам известно 56 татарских пословиц, освещающих взаимоотношения двух и более жен, соперниц. Эти пословицы по-разному отражают отношение к такому браку. Примеры, отрицательно оценивающие такую традицию: *Алты хатын алдым – өйләнми дә калдым* ‘Взял шесть жен – так и не женился’*; Әүвәлгедәй хатын булмас, бәйрәмдәгедәй аш булмас* ‘Не будет такой жены, как первая, не будет такой еды, как на празднике’ и т.д. Можно с уверенностью сказать, что эти пословицы – жалобы мужчин, у которых много жен. И количество пословиц, содержащих негативное отношение к многоженству, весьма значительно. Полагаем, это, среди прочего, может служить доказательством того, что среди татар многоженство не было распространено.

Также при бракосочетании у татар иногда совершался обряд левирата или сорората: неженатый близкий родственник умершего по требованию

родственников женился на вдове брата или муж умершей жены брал в жены младшую сестру (балдыз) жены. Эхо этого обряда можно увидеть в следующих пословицах: *Ат үлсә, савыр мирас, ага үлсә, җиңги мирас* ‘Если лошадь умрет, круп – в наследство, если умирает брат – жена в наследство’. Подобные обряды были связаны с экономическими факторами: нежелание отпустить рабочие руки и ее приданое из семьи, мужчина мог получить жену, заплатив меньшую сумму калыма. Левират не лишен и гуманного содержания в отношении воспитания детей умершего брата. Таким образом, как мы видим, пословицы достаточно полно и достоверно отражают проблемы выбора семейного партнера в традиционном татарском обществе. Проведенное исследование еще раз доказывает тесную связь языка и жизни населения.

Образцов А.В. (к.ф.н., доц. СПбГУ, г. Санкт-Петербург),
Сулейманова А.С. (к.ф.н., доц. СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

СТАДИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ В ТУРЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ XX в.

По мнению авторов доклада, всякое общество, пройдя в своем развитии ряд определенных этапов, приходит к такому феномену как деревенская составляющая. К обязательным этапам этого пути мы относим: модернизацию общества (с неизбежной демократизацией), урбанизацию, тот или иной вид культурной революции, важнейшей чертой которой является реформа образования, предполагающая его всеобщность, кодификацию языковой литературной нормы и т.п.

И в отечественной, и в турецкой науке термин «деревенская литература» имеет два значения. Прежде всего, обобщающее, т.е. обозначающее любое произведение, изображающее деревенскую жизнь. Известно, что в русской культуре эта тема обозначилась в произведениях писателей XIX в., взяв свое начало еще у Н. Карамзина, продолжилась у А.С. Пушкина и вплоть до С. Есенина. В турецкой литературе «крестьянская» тема впервые появилась в рассказе А. Митхата (1844-1912) «Шанс» (*Bahtiyarlık*, 1885), затем в романе «Карабибик» (*Karabibik,* 1890) Набизаде Назыма (1862-1893). Потом эта тема появляется в творчестве писателей уже республиканского периода.

В более узком значении в русской традиции под «деревенской прозой» понимается направление в русской (советской) литературе 1960–1980-х гг., осмысляющее судьбу крестьянства и русской деревни в XX в. и выдвигающее на первый план вопрос о возрождении традиционной нравственности (произведения Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина, Б. Можаева).

В Турции под термином «деревенская проза», а точнее «деревенский роман» (*Köy Romanı*) понимается творчество выпускников «деревенских институтов». «Деревенские институты» – уникальный проект по обучению и подготовке школьных учителей для деревни из способных деревенских детей, который существовал с 1940 г. по 1954 г. Эти учебные заведения дали турецкому обществу новый тип гражданина – деревенского интеллигента, который мог выступить защитой бесправных крестьян. Из почти 20 тыс. выпускников 57 человек стали писателями, которые видели свою миссию в том, чтобы рассказать об угнетенном положении турецкого крестьянства (Ф. Байкурт, М. Макал, Д. Акчам).

Безусловно, между русской «деревенской прозой» и турецким «деревенским романом» существует гораздо больше различий, чем сходства, и в плане проблематики, и в стилистическом оформлении. Но авторы полагают, что закономерное появление в турецкой литературе «деревенского романа» под влиянием социальных модернизационных процессов подтверждает, что и для русской литературы феномен «деревенской прозы» был естественным и «неизбежным».

Полещук П.А. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ОБРАЗ ГЛАВНОГО КОМИССАРА НЕВЗАТА В ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ АХМЕТА УМИТА

Ахмет Умит (род. в 1960 г.) – современный турецкий писатель детективного жанра. Его романы и рассказы переведены на многие языки мира. Среди наиболее известных его произведений выделяются сборник рассказов «Босая ночь» (*Çıplak Ayaklıydı Gece*, 1992) и романы «Голос пронзает ночь» (*Bir Ses Böler Geceyi*, 1992), «Туман и ночь» (*Sis ve Gece*, 1996), «Ключ Агаты» (*Agathanın Anahtarı*, 1999), «Запах снега» (*Kar Kokusu*, 1998), «Патасана» (*Patasana*, 2000), «Дьявол прячется в мелочах» (*Şeytan Ayrıntıda Gizlidir*, 2002), «Кукла» (*Kukla,* 2002), «Рапсодия Бейоглу» (*Beyoğlu Rapsodisi*, 2003), «Любовь – зло» (*Aşk Köpekliktir*, 2004), «Смерть цветочника» (2005), «Племя» (2006), «Браслет Нихатта» (*Ninattanın Bileziği*, 2006), «Врата тайн» (*Bab-ı Esrar*, 2008).

Особое место среди детективных романов Ахмета Умита занимает серия, посвященная главному комиссару полиции района Бейоглу Невзату («Ключ Агаты», «Дьявол прячется в мелочах», «Народ» (*Kavim*, 2006), «Стамбульский ребус[4]» (*İstanbul Hatırası*, 2010), «Самый лучший старший брат Бейоглу» (*Beyoglu'nun En Güzel Abisi*, 2013), «Ласточкин крик» (*Kırlangıç Çığlığı*, 2018), «Наша любовь – старый роман» (*Aşkımız Eski Bir Roman*, 2019), «Время хищных птиц» (*Yırtıcı Kuşlar Zamanı*, 2024)). Также в серии о комиссаре Невзате вышло три графических романа: «Смерть цветочника» (*Çiçekçinin Ölümü*, 2011), «Храмовые проститутки» (*Tapınak Fahişeleri*, 2007) и «Кто убил барабанщика Давута?» (*Davulcu Davut'u Kim Öldürdü?*, 2011).

В романах о детективе Невзате повествование ведется от первого лица, а именно от лица самого комиссара Невзата. Известно, что Невзату около 50-ти лет. Он проживает и работает в районе Балат. Практически отсутствует

[4] Роман «Стамбульский ребус» переведен на русский язык в 2021 г. Ларионовой Е.И. Дословный перевод названия романа «Память о Стамбуле».

описание внешности главного героя. Изредка попадаются небольшие детали, которые дают основания судить о том, как выглядит комиссар Невзат. Например, неоднократно упоминается, что для чтения ему нужны очки.

Повествование от первого лица позволяет погрузить читателя во внутренние переживания героя, дать ему возможность следить за его мыслями и ходом рассуждений. Невзат испытывает глубокие душевные муки из-за гибели семьи – жены Гюзиде и дочери Айсун. Он винит себя в их смерти. Гюзиде и Айсун первыми сели в полицейскую машину, на которой Невзат должен был отправиться на работу. Взорвалась бомба, подложенная для того, чтобы убить Невзата.

Комиссар Невзат находит утешение рядом со своей новой любовью – гречанкой Евгенией. Любовная линия вкупе с детективным сюжетом очень важна для произведений Ахмета Умита, так как позволяет завоевать читателя на свою сторону.

Через воспоминания Невзата, а также через его диалоги с другими персонажами приводится информация о прошлом комиссара: семье, родителях, друзьях детства. Ахмет Умит не дает последовательной истории жизни комиссара. Биография Невзата разбросана по разным книгам, ее приходится собирать.

Основной особенностью комиссара Невзата является то, что он со всеми играет «в своего»: с коллегами, с преступниками и подозреваемыми, с друзьями и даже с читателем. То, что Невзат является «своим» для читателя, выражается в том, что он часто выступает одновременно в качестве сыщика, преступника и жертвы. Например, это роман «Время хищных птиц». Или сыщика и жертвы – все романы, повествующие о жизни Невзата после смерти жены и дочери. Невзат намеренно акцентирует то, что читатель способен понять его горе, проникнуться им, поэтому он с ним беседует, советуется, спрашивает.

Невзат, как рассказчик, показан в своей повседневной жизни, привычной для системы координат читателя (дом / семья, работа / сослуживцы). Часто его речь облекается в вербальные стереотипы, что содействует принятию такого повествования массовой публикой, поскольку именно в стереотипных формулах реализуются присущие людям устойчивый, базовые модели поведения (добро обязательно побеждает зло).

Пылев А.И. (к.ф.н., доц. СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

О ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМАХ И ЖАНРАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СБОРНИКА «ДИВАН-И ХИКМАТ» ХОДЖИ АХМАДА ЙАСАВИ (УМ. 1166)

Сборник «Диван-и хикмат» – самое знаменитое творение великого тюркского суфийского подвижника и первого известного нам по имени тюркского поэта-мистика Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166). Оно требует при своем исследовании решения целого комплекса проблем – лингвистических, текстологических, культурологических и литературоведческих. Стихи, автором которых традиционно считается Ахмад Йасави, стали записываться и были сведены в сборник, по-видимому, лишь во второй половине XV столетия. К этому приложили усилия шейхи ордена (братства) Накшбандийа, стремившиеся очистить тарикат (суфийскую школу) Йасавийа, по выражению турецкого исследователя М.Ф. Кёпрюлю, «от возникших шиитских пристрастий» и пытавшиеся использовать авторитет «пира» (духовного наставника и главы тариката) Йасавийа в своих целях. Однако все известные ныне, хранящиеся в библиотеках и доступные для исследователей рукописи «Дивана», относятся лишь к XVIII–XIX векам, причем абсолютное их большинство датируется концом этого периода.

Состав известных в настоящее время рукописей и печатных изданий «хикматов» позволяет сделать вывод, что к середине XIX в. был выработан некий «канонический текст» «Диван-и хикмат». Стихотворения, вошедшие в этот сводный текст, отличались стройностью, довольно строгим следованием выбранному размеру, четким порядком расположения произведений разных поэтических форм (четверостишия народной формы «кошма» – газели – месневи). Этот текст стал основой для абсолютного большинства известных списков и изданий сборника, как популярных, так и научных. Между тем

полный научно-критический текст сборника «Диван-и хикмат», основанный на самых древних и надежных его списках, до сих пор не создан.

Проведенный анализ содержания и поэтических форм «Дивана», а также подсчет количества арабо-персидских лексических единиц в «хикматах» позволяют утверждать, что известный в настоящее время текст сборника состоит из следующих элементов:

- стихотворения в форме четверостиший-«кошма» (по всей видимости, самая древняя часть «Диван-и хикмат»), которые можно отнести к жанрам суфийской (мистической) лирики и «суфийского эпоса» (термин Е.Э. Бертельса);

- «хикматы» в форме газели, созданные не ранее XV в., которые, как представляется, следует относить не к лирическому жанру газели, а в основном к суфийскому эпосу;

- «хикматы» в форме двустиший-месневи, в основе своей, возможно, более древние, но в целом принявшие нынешний облик только в XV–XVI вв. (к ним следует относить произведение «Мунаджат» - поэтическое обращение к Аллаху);

-«хикматы» разных поэтических форм, содержащие имена учеников Йасави, более поздних поэтов и исторических лиц и имеющие в разных рукописях и изданиях тахаллусы разных авторов (судя по ряду признаков, они относятся к эпохе после монгольского нашествия, то есть не ранее XIII–XIV вв.).

Семь «хикматов»-«кошма» (59 четверостиший), из которых состоит поэтическая автобиография шейха, относящаяся в жанровом отношении к суфийскому эпосу, в своей основе, как представляется, были созданы в XII в., в эпоху Ахмада Йасави. На их древность указывает народная поэтическая форма стихов – «хикмакты» написаны силлабическим метром в форме четверостиший, связанных единой рифмой последней строки каждого четверостишия (часто эта последняя строка повторяется в каждом

четверостишии как рефрен). Другой важный признак древности этих «хикматов» - наиболее низкая доля арабо-персидских заимствований среди всех произведений сборника. Также дополнительным доводом в пользу древности этих «хикматов» следует считать практическое отсутствие в них суфийской терминологии и образов более позднего происхождения. В поэтической автобиографии Йасави автором доклада обнаружено до 30 арабских и персидских слов, которые можно рассматривать в данном контексте как термины суфизма. Абсолютное большинство этих терминов встречается в известных теоретических сочинениях (своего рода учебниках суфизма) X–XII вв. ас-Сарраджа ат-Туси, ал-Джуллаби ал-Худжвири, ал-Кушайри и поэтических сочинениях мистиков той же эпохи: Хакима Сана'и, Фахр ад-Дина 'Ираки, и, особенно, 'Абдаллаха ал-Ансари (1006–1089), выдающегося поэта и учителя духовного наставника Ходжи Ахмада Йасави Йусуфа ал-Хамадани (1049–1140).

Исследование произведений, вошедших в «Диван-и хикмат» Ахмада Йасави, с точки зрения их формальной и жанровой структур, имеет большое значение для реконструкции подлинного мистического мировоззрения великого тюркского суфия XII в. и установления аутентичности его отдельных стихотворений.

Расулова Е.Ш. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПЬЕСЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ДРАМАТУРГА БЕХИЧА АКА «ЗДАНИЕ»

Постмодернизм как культурное течение, художественно-эстетическая система возник на Западе во второй половине XX в. (в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в.), придя на смену модернистской культуре, и постепенно приобрёл характер мирового явления. Его философско-теоретическую основу составили концепции постструктуралистов и постфрейдистов, среди которых выделяются Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, У. Эко, Р. Барт и некоторые другие. В конце 70-х – середине 80-х гг. XX в. постмодернизм пришёл на Восток, и, в частности, в турецкую литературу. Отказ от принципов аристотелевского театра и ориентация на постнеклассическую эстетику наблюдались в творчестве турецких драматургов 80-х гг. XX в.

Примечательно, что несмотря на наличие исследований по турецкой постмодернистской прозе, пьесы современного турецкого драматурга Б. Ака, как и турецкая драматургия в целом не становились объектом научного анализа в постмодернистском ключе ни в отечественном, ни в турецком (и, насколько мы можем судить, европейском) литературоведении. При этом актуальность тематики доклада обусловлена доминантой постмодернистской парадигмы в литературе Турции рубежа XX–XXI вв., что обусловливает необходимость изучения особенностей и потенциала постмодернистского нарратива и в драматургии.

На примере пьесы Б. Ака «Здание» в докладе устанавливаются наиболее рельефные черты постмодернистской литературной парадигмы, такие как децентрация и деконструкция, неопределенность временных и пространственных характеристик, абсурдизация, шизоаналитические

стратегии, открытость/незавершённость концовки, гибридно-цитатный характер персонажей, деканонизация канонизированного, становящегося объектом травестирования, при помощи которых драматург освещает традиционные для постмодернистской эстетики вопросы стереотипности массового сознания и трагической потери самоидентификации современного человека, торжества власти мира-текста, коллективного бессознательного, несостоятельности идеологических доктрин, навязывающих позитивистско-детерминистскую концепцию жизни.

Полученные в результате проведенного исследования результаты могут быть экстраполированы на турецкую постмодернистскую драму в целом, что позволит составить представление об актуальных тенденциях её развития.

Репенкова М.М. (д.ф.н., доц. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА АХМЕТА УМИТА «ЗАПАХ СНЕГА» (1998)

А. Умит (род. 1960) родился в городе Газиантеп. В 1978–1983 гг. учился в Стамбульском университете Мармара, на факультете государственного управления. В 1985–1986 гг. жил и учился в СССР, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, что дает основание полагать, что он имел отношение к турецкой компартии. Позднее писатель не отрицал этого, но говорил, что в 1990-е гг. он полностью разочаровался в левых идеях.

Роман «Запах снега» (*Kar Kokusu*, 1998) посвящен годам пребывания А. Умита в Москве. Действие романа разворачивается в подмосковной деревне Куркино, где в 1980-е гг. находилось отделение Института марксизма-ленинизма для иностранных коммунистов. Сюжетный конфликт развивается стремительно: в одну из ночей рядом со зданием института был убит турецкий коммунист Мехмет, и КГБ начинает расследование убийства. Представители российской спецслужбы Виктор и Николай ведут следствие, опрашивают вероятных свидетелей. В свою очередь турецкие товарищи собственными силами при помощи их русского преподавателя и наставника Леонида Ивановича тоже ведут расследование.

Портрет Леонида Ивановича дается крупными мазками. Он отводит рукой назад начавшие седеть прямые светло-каштановые волосы, смотрит в лица окружающих его людей с постоянно присущим ему энергичным выражением. Студенты поговаривают, что он работал агентом КГБ в Турции, поэтому у него такой хороший турецкий язык. Но Леонид это всегда отрицал. Все турецкие студенты в Институте марксизма-ленинизма утверждали, что Леонид – необычный коммунист. Для него не менее важным оставалось не только мнение партии, но и собственное мнение, которое он не стеснялся высказывать. Жил один. Жена Лариса десять лет назад погибла в авиакатастрофе. Дочь Александра,

инженер физик-атомщик, работала в Киеве на атомной станции. Она была не замужем.

Развитие событий указывает на то, что среди турецких коммунистов был предатель («крот»), из-за которого, по всей вероятности, и совершено преступление. Начальник Виктора и Николая Андрей Олегович был хорошо знаком с Леонидом Ивановичем еще по тем годам, когда тот работал за рубежом в ООН. Андрей Олегович поделился с другом сведениями о том, что известно КГБ: у предателя кличка Наблюдатель (Gözcü), и скорее всего им является один из лучших друзей Мехмета – Керем или Джемиль, с которыми тот работал еще в партийной ячейке в Стамбуле.

Начинаются допросы Керема и Джемиля. По шифровке, найденной КГБ, предатель должен был встретиться с представителем турецких спецслужб майором Йылдырымом на одной из станций московского метро. Об этой шифровке становится известно Леониду Ивановичу и члену Центрального комитета турецкой коммунистической партии Асафу. Они посылают на встречу Джемиля, но встреча не происходит, что-то пугает Йылдырыма, и он в последний момент проходит мимо Джемиля.

В то же время имеет место новое происшествие. Керем, оставив предсмертную записку, совершает самоубийство. В записке он признается, что это он убил Мехмета, поскольку тот и был предателем-полицейским. Он легко мог «сдать» всех турецких коммунистов, учащихся в Москве, службе турецкой разведке (MİT). Из-за Мехмета погиб сын Керема и сошла с ума его жена. КГБ отпускает подозреваемого Джемиля, и дело закрывают.

Роман насыщен российскими реалиями 1980-х гг.: перестройка, гласность, очереди в магазинах и бесконечный снег, который покрывает все пространство города. Московский снег особенный, он имеет свойственный только ему запах. Это и вынесено в название романа. Московский колорит выделяет роман «Запах снега» среди остальных произведений писателя.

Произведение завершается встречей Андрея Олеговича с майором Йылдырымом на приеме в гостинице «Россия», на котором турецкий майор узнает, что Наблюдатель-Мехмет погиб.

Saraç Ş. (Dr. Hacettepe Üniversitesi, Ankara, Türkiye)

LOOKING AT THE 18TH CENTURY TURKISH CULTURE AND LANGUAGE THROUGH THE PERCEPTIONS OF LADY MARY WORTLEY MONTAGU USING THE BOOK "LETTERS FROM THE RIGHT HONORABLE LADY MARY WORTLEY MONTAGU 1709 TO 1762"

Lady Mary, born in 1689, spent her early life in England. After marrying Edward Wortley Montagu in 1712, she travelled with her husband who served as the British ambassador to the Sublime Porte. She accompanied him on the Ottoman excursion for two years where she wrote her experience as a British woman in Ottoman Istanbul. In 1716, her husband was appointed Ambassador in Ottoman Istanbul to negotiate an end to the Austro-Turkish War.

In August, 1716 she accompanied him to Vienna, Adrianople and Ottoman Istanbul. Although her husband was recalled in 1717, they remained in Ottoman Istanbul until 1718.

Her descriptions of Turkish life are very interesting due to the details and the wide and varied area they cover.

The study is based on the letters of Lady Mary. The letters from 1716-1718 are investigated. This part is under Letters during Mr. Wortley's Embassy to Constantinople. The perceptions and observations of Turkish life and language from the eyes of an 18th century English woman are investigated and Turkish culture and lifestyle are analyzed. The book is the main source of research and Qualitative research method is used in this study. Document analysis is used in accessing data; descriptive analysis and content analysis is used to analyze the data.

During her life as an ambassador's wife, Lady Mary met the most important figures in the Ottoman Empire. She presented vivid pictures of her observations and shared her experiences and observations with the beloved people in her life via letters addressed to her sisters, daughter, and intimate friends. In the introduction of

the book, she is described as “a keen observer, not superior to the love of gossip, with a quick eye for the telling features of a story or a situation and an easy effective style”.

The letters are very personal in nature about her journeys, observations, feelings and vivid descriptions and are very honest and detailed.

Lady Mary describes the architecture, the homes and the people she visits and writes her observations on the decorations of houses, food she is served during visits, the appearance of people, their clothing, their tastes and their cultural background.

She portrays pictures from the daily lives of Turkish people, people relaxing out in their gardens, drinking coffee, listening to music played by some instruments, their weddings, their bath times and many more. The places she visits and the hostesses of the places she is invited to are portrayed in detail. Homes are the greatest aspects of culture and she vividly portrays her observations of the homes she visits. As Lady Mary says “I suppose you have read in most of our accounts of Turkey that their houses are the most miserable places in the world but I assure you there is no such thing.” She also writes her descriptions of Turkish baths and the women there and on one occasion when she was dressed inappropriately, she says “I know no European court where the ladies would have behaved themselves in so polite a manner to a stranger”.

Lady Mary also describes ladies clothing and hair styles confessing that she had never seen in her life so many fine heads of hair. She says that it is difficult to see a young woman that is not very handsome. As for their morality and good conduct, since she is a little acquainted with their ways, she “cannot forbear admiring either their exemplary discretion or extreme stupidity of all the writers that had given accounts of them saying they have more liberty than women in England”.

The book is priceless giving a picture of the life and traditions of the 18th century Ottoman Empire through her observations, portraying an objective point of view and helping to overcome the prejudices on Turkish people and Turkish way of life through her experiences.

Софронова Л.В. (к.ф.н., доц. МГЛУ, г. Москва)

ПОНЯТИЕ БЕЗМОЛВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АСЛЫ ЭРДОГАН

Аслы Эрдоган (род. 1967) – турецкая писательница, широко известная за рубежом, где она стала лауреатом ряда литературных конкурсов и премий. На родине ее творчество было удостоено престижных литературных премий Юнуса Нади и Саита Фаика. Мировой общественности писательница также известна как правозащитник, в 2017 г. она получила премию мира имени Эриха-Марии Ремарка, став, по выражению европейской прессы, «иконой турецкой свободы». Произведения Аслы Эрдоган изданы более чем на двадцати языках.

В настоящем докладе рассматривается сборник эссе «В безмолвии жизни» (*Hayatın Sessizliğinde*, 2005), который был признан книгой года издательством «Дюнья», некоторые эссе сборника инсценированы театром Piccola в Милане и поставлены на балетной и оперной сценах Европы. Понятие «безмолвие» вошло и в название другой книги автора «И даже безмолвие уже не твое» (*Artık Sessizlik Bile Senin Değil*, 2017), представляющей собой сборник политических статей, опубликованных писательницей в разные годы.

Жанровая форма произведений, вошедших в сборник «В безмолвии жизни», определена самим автором как тексты. Большинство из них не имеет сюжета и являет собой поток ассоциаций, поэтому впоследствии эти эссе были трансформированы в произведения разных видов искусств (декламация, балет, опера, фотография).

Понятие безмолвия в авторской интерпретации наполняется различными смыслами и связывается с определенным ассоциативным рядом, фигурирующем в разнообразных эмоционально окрашенных контекстах, например, часто встречающийся – безмолвие-молчание-бесконечность (*sessizlik-suskunluk-sonsuzluk*). Следует учесть, что в творчестве Аслы Эрдоган после 2016 года, когда она была арестована по обвинению в участии в деятельности Рабочей партии Курдистана, признанной террористической

организацией в Турции, понятие «безмолвие» наполняется политическим смыслом, о чем свидетельствуют строки из речи писательницы на вручении премии имени Принцессы Маргарет Европейского культурного фонда, где она не смогла присутствовать из-за наложенных на нее ограничений на выезд из страны: «Мы ищем истину. Но чудо слова бесконечно, по правде говоря, в его любой невысказанности. Я писала во имя того, чтобы умолять и вызвать отклик на раны, разрушения, утраты, жертвы». Аслы Эрдоган посвятила свою премию «беззвучным стонам всех жертв».

В докладе анализируется семантическое поле с доминантой «безмолвие», которое зиждется на абсолютном одиночестве личности, замкнутой в своем внутреннем мире и волнообразно отражающей импульсы окружающей среды. Выделяются символы, ассоциативно связываемые писательницей с этим понятием. Акцентируется стилистическая специфика авторского стиля, определяемая многими критиками как «поэтическая проза».

Сыздыкова Ж.С. (д.и.н., проф. ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ КРИЗИСА К НОВЫМ КОНЦЕПТАМ

Явственно кризис методологии в отечественной науке проявился в 80-е годы XX в., не обошел стороной теорию общественно-экономической формаций, что было связано, в первую очередь, с распадом СССР. Ответным шагом стало обращение исследователей к термину «цивилизация», как концепции, которая объединяет культурную, этническую и другие стороны жизни общества. Новый подход предполагал вариативность в отличие от прежнего – марксизма. Цивилизационный подход – инструмент познания в изучении феномена культуры, в том числе, и кочевого общества. Сама цивилизация предстает в виде «некой формой выражения крупных социокультурных общностей, образованных путем слияния воедино генетических близких гражданских сообществ, возникающих в недрах определенных традиционных культур».

Несмотря на то, что речь идет о многообразии культур все же сохраняется ориентир на европоцентристскую модель в качестве исходной. Западные ученые активно утверждают концепцию превосходства оседло-земледельческого мира над варварской периферией. Среди исследователей культуры тюрков были христианские авторы, которые предпочли изучение культуры Центральной Азии в контексте западной науки. Представление о тюркских народах исключительно как о кочевниках породило миф, что у них не может быть ни государства, ни культуры.

В XX в. после знакомства с орхоно-енисейскими надписями европейцы приобрели первое представление о древнетюркской письменной культуре. А после того, как турки своими военными действиями не раз удивляли Европу, европейские исследователи сформировали стереотип «дикие тюрки» [Гумилев

2001: 13–14]. В центре Евразии создана особая цивилизация, связанная с развитием животноводства и «развитием конной культуры, правильного использования земледелия и ирригационных систем» [Черноус 1999].

Отталкиваясь от А. Тойнби, «степная цивилизация исторически долго противопоставляла себя оседлому миру, давая адекватные ответы на “вызовы времени”. Тогда как за это время великие империи и культуры рассеялись в прах. Это было бы невозможно, если бы кочевники были очень отсталыми. В таком пренебрежительном отношении к кочевникам сквозит, скорее всего, непонимание и отторжение инаковости, а не объективный научный анализ.

Среди тех, кто одним из первых обратил внимание на тюркских кочевников и их культуру, стал Л.Н. Гумилев, который призвал отказаться от квазинаучных представлений в отношении тюрков и их культуры. Преодолевая эти устойчивые заблуждения, он писал, что «настало время поставить точки над i в вопросе о “неполноценности” степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир – только варварская периферия Европы» [Гумилев 1994].

Таким образом, несмотря на то что отсутствие письменных источников затрудняет проведение нового комплексного анализа и выработку новой методологии исследования, все больше сторонников и последователей, которые подтверждают, что тюрки Центральной Азии создали особую культуру, которую условно можно назвать «кочевой».

Шаряфетдинов Р.Х. (к.ф.н. МПГУ, г. Москва)

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КОНЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследование посвящено выявлению приёмов изображения и функций мифопоэтического образа коня в фольклоре и современной татарской литературе (конец XX в. – начало XXI в.) как отражения кочевой культуры тюркских народов. В центре исследования находится мифопоэтика произведений современных авторов.

Рассмотрено обращение национальной литературы к мифологии животного мира в общем и к мифопоэтическим образам коня/лошади, являющимся одними из древнейших не только в татарской культуре, но и тюркской культуре кочевников в целом, что находит широкое выражение в современной татарской лирике (Р. Кутуй, И. Юзеев, Л. Газизова) и прозе (Р. Зайдулла, Р. Мухамадиев,).

В результате проведенного анализа выявлены как общие для тюркского фольклора и литературы значения (объекта дорелигиозных верований, тотема, природы, элемента культуры народа, праздника и т.д.), так и частные, требующие дальнейшего анализа, значения (жизни и утраченного счастья, судьбы и любви, облака и мысли, свободы и простора, времени и прошлого и др.), что демонстрирует сохраняющуюся и развивающуюся традицию обращения в национальной литературе XX–XXI вв. к мифу в общем и к мифопоэтическим образам в частности.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 15

ЛИНГВИСТИКА 20

НАШ НОВЫЙ СЛОВАРЬ: «СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА» 20

SOVYET TÜRKMENİSTANI'NDA 1930'LU YILLARDA TÜRKMEN DİLİNİN TERMİNOLOJİSİ ÜZERİNE ÇALIŞMALAR: ABA ÖVEZOV ÖRNEĞİ 24

YABANCI DİL OLARAK TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE LİNGVO-KÜLTÜREL YAKLAŞIM (REŞAT NURİ GÜNTEKİN'İN "ÇALIKUŞU" ROMANI ÖRNEĞİNDE) 25

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАД. В.А. ГОРДЛЕВСКОГО: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА АКАД. В.В. БАРТОЛЬДУ ИЗ ФОНДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН 27

ИСТОКИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ С.Е. МАЛОВА: КАЗАНЬ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН (1880–1922 ГГ.): К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ 29

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУРЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 32

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ТЮРКОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ. ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ 34

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ 37

АНТОНИМЫ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА 39

TURKMEN AND PERSIAN TWIN WORDS IN MAGTYMGULY PYRAGY'S POEMS 41

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМЫ ПАССИВА В ТУРЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 43

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ТУРЕЦКОЙ ЖЕНСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ 45

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА 46

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ 48

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ И ВРЕМЕННЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 49

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ 50

ЛЕКСЕМА *BİR* В СОСТАВЕ ИМЕННОЙ ГРУППЫ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА 52

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ ГОРТАННОГО [Г] В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: АНАЛИЗ ГИПЕРКОРРЕКЦИИ И СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ 53

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО СЛОВА ALYN [A:LYN] В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ 55

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СПОСОБАХ ПОГРЕБЕНИЯ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ 57

РОЛЬ ВЕНГЕРСКИХ УЧЕНЫХ В СОЗДАНИИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 59

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЦИОНАЛЬНОГО ГИМНА ТУРЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК 61

ЧУВАШЕОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТОПОНИМЫ КАК МАРКЕР ЧЕБОКСАРСКОГО РЕГИОЛЕКТА 63

ПОПЫТКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРЕЙМА ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 64
НАЗВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ И АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ 66
И.А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И КАЗАНСКАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА 67
RUSLARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE DEYİM VE ATASÖZLERİNİN ÖNEMİ, ÖĞRETİM YÖNTEM VE TEKNİKLERİ “DİLLİ DÜDÜK” ŞARKISI ÖRNEĞİ 69
TÜRKÇEDEKİ ALINTI KELİMELERİN ANLAM DEĞİŞİKLİKLERİ VE ÜST ANLAM İLİŞKİLERİ 71
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 74
DİVAN GÜZELİ AĞ ANALİZİ 74
КОШМОВАЛЯНИЕ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 76
СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ВОЗВЕЛИЧИВАНИЯ В ХОРЕЗМСКОЙ ХРОНИКЕ «РАЙСКИЙ САД ПРЕУСПЕЯНИЯ» 77
ОСОБЕННОСТИ КИНОАДАПТАЦИИ ПРИЕМОВ САТИРИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА: НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЗИЗА НЕСИНА «ЯШАР И ЖИВ, И МЕРТВ» 80
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «КОЗЫ КОРПЕШ – БАЯН СУЛУ» 82
«ОЛОНХО» А. УВАРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЯКУТСКОГО ЭПОСА 85
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ 87
СТАДИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ В ТУРЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ XX в. 89
ОБРАЗ ГЛАВНОГО КОМИССАРА НЕВЗАТА В ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ АХМЕТА УМИТА 91
О ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМАХ И ЖАНРАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СБОРНИКА «ДИВАН-И ХИКМАТ» ХОДЖИ АХМАДА ЙАСАВИ (УМ. 1166) 94
ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПЬЕСЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ДРАМАТУРГА БЕХИЧА АКА «ЗДАНИЕ» 97
СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА АХМЕТА УМИТА «ЗАПАХ СНЕГА» (1998) 99
LOOKING AT THE 18TH CENTURY TURKISH CULTURE AND LANGUAGE THROUGH THE PERCEPTIONS OF LADY MARY WORTLEY MONTAGU USING THE BOOK “LETTERS FROM THE RIGHT HONORABLE LADY MARY WORTLEY MONTAGU 1709 TO 1762” 101
ПОНЯТИЕ БЕЗМОЛВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АСЛЫ ЭРДОГАН 103
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ КРИЗИСА К НОВЫМ КОНЦЕПТАМ 105
МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КОНЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 107

ОРГКОМИТЕТ XXXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Председатель – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Репенкова Мария Михайловна**

Зам. председателя – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Оганова Елена Александровна**

Члены оргкомитета:

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Расулова Екатерина Шарифулловна, аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Полещук Полина Андреевна, магистрант 1 курса кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Секретарь – старший преподаватель, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Верхова Ксения Александровна**

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ XXXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Председатель – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Репенкова Мария Михайловна**

Члены комитета:

Учгюль Севинч, д.ф.н., профессор Эрджиесского университета (г. Кайсери, Турция)

Напольнова Елена Марковна, д.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова

Оганова Елена Александровна, к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Йылмаз Мехтап, к.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Чиврикова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Секретарь – старший преподаватель, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Верхова Ксения Александровна**

Будем рады дальнейшему сотрудничеству с Вами!